

A woman with long, curly red hair and blue eyes is looking directly at the camera. She is holding a large, clear crystal ball in front of her chest. Inside the crystal ball, there is a reflection of her face and some golden, shimmering particles. The background is dark and out of focus.

ДАРЬЯ БУЛАТНИКОВА

ФРАНЦУЗСКОЕ
НАСЛЕДСТВО

Дарья Булатникова

Французское наследство

«Автор»

2023

Булатникова Д.

Французское наследство / Д. Булатникова — «Автор», 2023

Ради спасения подруги - гадалки Агнии, обвиненной в убийстве жениха, художница Лёлька Туманова собирает целую команду соратников. Им предстоит большая работа, чтобы разоблачить настоящего преступника и понять его мотивы.

© Булатникова Д., 2023

© Автор, 2023

Дарья Булатникова

Французское наследство

ГЛАВА 1

2003 год.

Весь день накануне первого мая Лёлька моталась по издательствам. Подобную гадость она устраивала себе не чаще раза в месяц. Усаживая свое обленившееся тельце, нагруженное папкой с рисунками и сумкой с дисками, в пожилую "шестерку", она моментально впадала в пессимизм. Вяло переползая от одного издателя к другому, Лёлька маялась всеми мыслимыми страданиями – зубной болью, мигренью, расстройством желудка и нервной почесухой. Один её вид заставлял насторожиться самых наглых экстремалов от полиграфии. Казалось, девушка может умереть прямо у них на глазах или впасть в помешательство от непомерных телесных мук.

Ей немедленно начинали предлагать всевозможные таблетки или совать визитки лучших невропатологов и дантистов, от которых она ожесточенно отказывалась, предпочитая страдать. Именно поэтому просмотр предлагаемых издательству работ отнимал минимум времени. Папка и сумка с каждым визитом становились все легче, а Лёлька, твердым росчерком подписав договор, двигалась дальше, надеясь, что проклятая диарея позволит ей благополучно завершить намеченный маршрут.

Самое интересное, что стоило ей посетить последнее издательство, как все болезни разом испарялись, оставляя после себя здоровое чувство волчьего голода.

Лёлька радостно мчалась в ближайший супермаркет и загружала машину огромным количеством еды, которую принималась истреблять еще по дороге домой. Зная странную особенность Лёлькиного организма, которую он называл "аллергией на работодателей", Олег в такие дни старался временно исчезнуть из её жизни. Вид скачущей у плиты подружки, с урчанием поедающей только что ею же и приготовленные салаты, котлеты и блинчики, приводил его в паническое состояние. Общаться с Лёлькой в такие моменты было невозможно, она лихорадочно рылась в поваренных книгах и на вопросы, как такое количество продовольствия можно разместить в столь субтильном организме, совершенно не реагировала.

Обожравшись до предела, Лёлька мирно ложилась спать в одиночестве и с удовлетворением просматривала ежемесячный кошмарный сон из тех, которые снятся людям, принципиально не ведущим здоровый образ жизни. После чего просыпалась обычной Лёлькой. Удостоверившись в этом, Олег немедленно возвращался из добровольного изгнания, и до следующего дня "икс" все шло по-прежнему – Лёлька мало ела, много смеялась и увлеченно рисовала потешные картинки для открыток и детских книжек.

Как и любого бы на его месте, подобные ежемесячные трансформации любимой женщины волновали Олега до крайности. Необходимость переселяться, хотя бы и на один день, в собственную запыленную квартиру не радовала, но выхода не было. Как-то Олег попытался сам развезти Лёлькины рисунки, но в редакциях на него смотрели подозрительно и договоры подписывать отказывались, видимо предполагая, что болезненная художница дала, наконец, дуба и он с целью обогащения присвоил её нетленные шедевры. После этого эксперимента он смирился и даже завел моду в такие дни отправляться в ночной клуб "Мартиника" для просмотра новинок танцевально-эротического жанра.

На этот раз, в связи с обилием предстоящих праздников, день "икс" был смещен на самый конец апреля. Давно известно, что первая декада мая – период для решения каких-либо проблем малоперспективный, поскольку везде посетителей воспринимают чуть ли не как личное оскорбление и помеху. Напраздновавшись в первом раунде под завязку, люди отправляются

на работу отдохнуть перед следующим, и тут вдруг появляются ненормальные, которым чего-то от них надо.

Поэтому Лёльке и пришлось мотаться по издателям 30 апреля. И хотя результаты были как никогда отменными – у неё взяли почти все рисунки, но пришлось ещё тащиться в банк, где опять-таки в преддверии праздников было полно клиентов... В общем, Лёлька устала, как негр на плантациях. Растянувшись одна на широкой дубовой кровати, хотела еще почитать перед сном, но так и уснула с включенным ночником и куском миндального пирожного за щекой.

Телефон зазвонил без пятнадцати три ночи. Лёлька с трудом выкарабкалась из сновидения, наполненного толстыми пупырчатыми удавами, волосатыми борцами сумо (бр-р-р, волосатые, они выглядели ещё ужаснее, чем обычно) и кипами нераспроданных открыток с её рисунками. Самым ужасным были именно эти оказавшиеся никому не нужными стопки открыток с чудесными рисунками и милыми подписями. Лёлька во сне принялась горько рыдать над ними, а удавы и борцы сумо трансформировались в издателей, осуждающе грозящих ей толстыми волосатыми пальцами.

Все ещё плача, она нащарила на тумбочке трубку и с трудом нашла на ней нужную кнопку. В трубке раздавались громкие рыдания, перемежаемые вскриками и стонами. Стеореоэффект от двойного плача получился впечатляющим. Настолько, что Лёлька мгновенно проснулась и озадачилась. А озадачившись, замолчала и стала внимательно слушать. Но в трубке тоже воцарилась удивленная тишина, изредка прерываемая шмыганьем носа. Потом трубка спросила голосом Агнии: "Лёлька, это ты?"

Лёлька немедленно рассвирепела. Она терпеть не могла привычку Агнии при малейшем огорчении звонить ей и часами плакаться. При этом, время дня и ночи не имело значения, Агнии было плевать на то, спит Лёлька или бодрствует. Пару раз ей даже удалось вклиниться в самые интимные моменты, что приводило Олега в неопишное бешенство, потому что Лёлька, как ни в чем не бывало, принималась утешать Агнию, а его просила покурить пока на кухне. Олег поклялся отключать на ночь проклятый телефон, но постоянно забывал это сделать.

Агния была давней и самой верной Лёлькиной подругой. Они ходили в один детский сад, потом учились в одном классе. Институты они выбрали разные, Лёлька – художественно-промышленный, а Агния – авиационный. Ей ужасно льстило, что на одну девушку там приходилось десять, а то и все пятнадцать парней. За время учебы Агния успела дважды "сходить замуж и вернуться", как она говорила.

Оказавшись вне стен института с дипломом инженера-авиаконструктора на руках, она вдруг с удивлением узнала, что отечественное самолетостроение переживает отнюдь не лучшие дни, а последние тихо погибающие авиаконструкторские бюро, просто не в состоянии впитать в себя и прокормить молодые кадры. Поэтому вновь возвращенные специалисты должны выплывать в одиночку. Пометавшись по всем возможным конторам, в которых мог найти применение её диплом, Агния везде получила вежливый и равнодушный отказ. Какое-то время ей удалось поработать мастером в слесарном ПТУ, но постоянное общение с поколением "пепси" вызывало у несчастной регулярные приступы немотивированной агрессии, и во имя душевного здоровья Агния покинула стены ПТУ, ставшего к тому времени не то лицеем, не то колледжем.

Следующие три года девушка провела, борясь с обстоятельствами, и потерпела сокрушительное поражение по всем статьям. Испробовала все, начиная от сетевого маркетинга и торговли "гербалайфом" и заканчивая выращиванием пиявок, шитьем кроликовых свингеров "а ля шиншилла", а также почасовым выгуливанием собак "новых русских". Пиявки отчего-то у неё болели и дохли, свингеры никто не хотел покупать, и они с трудом расходились по милосердным знакомым, а бультерьеры и мастино-неаполитано нещадно кусали пахнущую любимым котом Агнию.

Кроме того, существовал ещё братец Лева, который был моложе Агнии на четыре года и за это время вырос в длинного и совершенно инфантильного мужика, все свое время проводящего за стареньким компьютером и сидящего на шее у родителей-пенсионеров. Родителей было жалко, и Агния старалась подбросить Лева хоть немного денег, которые немедленно тратились им на покупку новых дисков с компьютерными играми.

Агния оправдывала братца тем, что у него проблемы с сексуальной ориентацией. Лева одинаково нравились и женщины и мужчины, но официально признать себя бисексуалом он, по непонятным причинам, не хотел и постоянно терзал окружающих своими интимными мученьями.

Когда Агния окончательно опустила руки и решила, что у неё в жизни осталось только два пути – либо в омут головой, либо продать оставшуюся от одного из замужеств комнату в коммуналке и перебраться к родителям в двухкомнатную "хрущобу", одну из комнат которой прочно оккупировал Лева вкупе с компьютером, а в другой обитали папа, мама, старая болонка Матильда и наглый кот Мамай, она, естественно, позвонила Лёльке. Было это в полпятого утра. Лёлька ужасно хотела спать, но добросовестно прошлепала с трубкой у уха на кухню, чтобы не разбудить вернувшего поздно вечером из Москвы Олега. И там, разлепив сонные веки, она увидела на кухонном столе скомканную столичную газету "Из рук в руки". Что было раньше завернуто в эту газету, она не помнила – возможно, грязные Олеговы носки или остатки вагонного ужина, но это неважно. Решение пришло внезапно.

– У тебя есть газета городских объявлений? – перебила она стонающую подругу.

– У меня их сотни, – горько ответила та. – И что?

– Немедленно бери их все и приезжай ко мне, – скомандовала Лёлька.

Через полчаса Агния ввалилась в её квартиру, волоча за собой здоровенную авоську с макулатурой. К этому времени Лёлька успела испещрить московскую газету разноцветными пометками. Ещё два часа ушло на ползание по расстеленным на кухонном полу местным изданиям разного срока давности. Проснувшийся и сунувшийся было на кухню Олег только округлил глаза и повертел пальцем у виска.

В конце концов, по завершении сравнительного анализа подруги получили некий список, на который уставились, затаив дыхание. Олег, получивший после долгого ожидания вожделенную чашку кофе, заглянул через их склоненные головы и с выражением прочел:

– Эротический тайский массаж, очаровательные девушки и респектабельные мужчины для эскорта, заговор вуду, изысканный татуаж и боди-арт... Это ещё что за хренотень, не объясните?

– Это когда делают цветную татуировку или просто раскрашивают тело красками, очень красиво получается, – с готовностью растолковала Лёлька.

– Да знаю я, что такое боди-арт! Я про список в целом спрашиваю.

– А-а, это перечень услуг, которые рекламируются в московской газете и которые никто пока не предлагает в нашем городе. Непаханная, так сказать, нива для Агнии.

Олег подавился кофе и его пришлось долго колотить по спине.

– Вы сдурели, – наконец прокашлялся он. – Анька ни одной пивявки толком вырастить не смогла, а тут заговор вуду и тайский массаж! Да её оборжет первый же клиент. Или задушит от злости.

– Никаким эротическим массажем и эскортом я заниматься не буду, – перепугалась Агния. – Это же явная проституция!

– Слушайте вы, бестолочи, – рассвирепела Лёлька, – никто и не говорит, что надо осваивать все это сразу. Тут еще дальше есть "спиритизм и гадание", а ещё "разведение беговых тараканов".

Олег демонически захохотал, а бедная Агния завопила, что от тараканов её тошнит, а если они ещё и беговые, то, значит, будут носиться по всей её и без того убогой жилплощади,

как кони. И что лучше она просто, без затей, отправится на панель, или замуж за Отара Цви-кадзе, что во много раз хуже панели. Лёлька заткнула уши и переждала поднимающийся шум. Потом нацелила указующий перст на список и заявила:

– Ты станешь гадалкой!

– Я? – обомлела Агния – Да из меня гадалка, как из тебя беговой таракан.

– И не спорь! Раскладывать карты и с умным видом пялиться в хрустальный шар сможет даже последняя идиотка.

– Да? – с сомнением произнесла Агния. – Но при этом нужно ведь и чего-то там говорить. Предсказывать, так сказать, будущее, угадывать прошлое. А откуда я его узнаю, черт побери?!

– И где вы, интересно, возьмете хрустальный шар? – неожиданно оживился Олег.

Но Лёльку трудно было сбить с выбранного направления. Она торжествующе ткнула в объявление, напечатанное мелким шрифтом на последней странице московской газеты.

– Вот, читайте: "Школа предсказателей и колдунов. Срок обучения – две недели. Выдается диплом установленного образца. Практическая помощь".

– Но ведь это в Москве! И что это за диплом, который можно получить за две недели? Да ещё кем-то установленного образца. Наверняка надувательство! – с отвращением бурчала Агния.

– Надувательство – не надувательство, но чему-то они тебя научат, подскажут где приобрести магический шар и пару сушеных гадюк. А там уже все будет зависеть от тебя. Ну, решайся!

– Да где ж я денег возьму на дорогу до Москвы и обучение? Наверняка они дерут сумасшедшие бабки, – продолжала вяло сопротивляться Агния, но Лёлька уже набирала указанный в газете телефон.

Несмотря на ранний час, ей почти сразу же ответили. Через десять минут она располагала полной информацией о сомнительном учебном заведении. Олег выразил готовность профинансировать авантюру, надеясь избавиться от Агнии хотя бы на полмесяца. Уже через день её, мрачную и возмущенную, затолкали в московский поезд и отправили постигать таинственную науку предсказаний и пророчеств.

Из Москвы Агния вернулась умиротворенной и повеселевшей. Прямо с вокзала Лёлька с Олегом торжественно отвезли её в снятую за бесценок тесную дворницкую, расположенную в первом этаже старого пятиэтажного дома. Лёлька заранее вымыла запущенное помещение и оклеила его стены и потолок темно-синими обоями с изображением звезд и полумесяцев. Окно затянули черным штапелем, купленным в ритуальном салоне, колченогий стол, оставшийся еще от прежних обитателей, накрыли алой плюшевой скатертью, наследством любимой Олевой бабушки.

Когда Агния водрузила на стол новенький шар из голубоватого хрусталя на подставке, украшенной каббалистическими знаками, и банку с заспиртованным ужом, приобретенным по случаю в магазине наглядных пособий, картина получилась впечатляющей. На обшарпанную дверь бывшей дворницкой прикрепили табличку с черной надписью готическими буквами: "Модеста". Такая же надпись украшала объявления, напечатанные практически во всех городских газетах.

– Почему Модеста? – приставал к Лёльке и новоиспеченной прорицательнице Олег. – Что сие значит и с чем его едят?

– Отстань, смертный! Это имя мне дала сама Великая Магистерша Окултных наук и Провидица Вселенной Брунгильда, – сообщила Агния, накидывая на плечи черную шаль с люрексом, купленную за смешные деньги у таджикских коммерсантов в переходе около Белорусского вокзала. – Как любимой ученице и преемнице.

– Не фиг себе! – изумился Олег. – Ты всего за две недели смогла стать преемницей этой Великой Магистерши? Да у тебя, оказывается, прямо дар Божий. Может и мне податься в преемники Великого Селекционера Беговых Тараканов? Лель, как ты считаешь?

Первые клиенты явились к Агнии уже на следующий день после опубликования заманчивой рекламы. В дворницкую протискивались экзальтированные худосочные девицы не первой и даже не второй молодости, желающие узнать, когда же их поймут и оценят романтические и щедрые мужчины. Впархивали наивные старшеклассницы, до колик влюбленные в поп-звезд. Вплывали озабоченные назревающим разводом с гуленой-мужем матери семейств.

Агния трудилась на совесть – раскладывала колоду щеголеватых карт, изукрашенных изображениями индийского многорукого божества, лила расплавленный воск в стеклянный кувшин, позаимствованный у Лёльки, читала линии судьбы на ладонях. И добросовестно выкладывала посетительницам все, что видела.

В результате, ни одна из них не ушла от трудолюбивой гадалки удовлетворенной. Как ни старалась Агния, все короли до одного шарахались от малахольных девиц, юные курсистки получали прогноз на долгую трудовую жизнь и огромное количество детей, рожденных, увы, без участия кумиров шоу-бизнеса, а почтенные матроны бесились, узнавая, что наглые пиковые дамы уведут таки их спутников жизни в райские кущи.

Через месяц Агнии пришлось снизить таксу, но жидкий ручеек желающих приобщиться к таинствам своей судьбы неуклонно таял. Апофеозом магической деятельности стал спиритический сеанс, на который задавленная финансовыми проблемами прорицательница решилась под мощным напором одной энергичной вдовы. Вдова требовала свидания с духом недавно усопшего супруга, чтобы выяснить, куда тот спрятал вырученные от продажи машины пять тысяч долларов.

Впоследствии Агния клялась, что сеанс провела просто блестяще. И не её вина, что охотно явившийся по первому зову дух мужа клиентки высказал последней все, что думал о ней при жизни, а на вопрос: "Где деньги?" ответил: "Где, где – в Караганде!"

Слухи о гадалке, которая пророчит одни пакости, пошел гулять по городу, и никакая реклама уже не могла помочь неудачливой Модесте. Напрасно черный кот Воланд, ежедневно притаскиваемый Агнией из дома в помещение бывшей дворницкой, намывал гостей, вольготно расположившись на скатерти Олеговой бабушки в обществе заспиртованного ужа. Агния уныло вязала шарфики и носки, в ожидании голодной зимы, и тоскливо вздыхала, уже видя себя идущей под венец с ненавистным Отаром Цвикадзе.

Судьба явилась Агнии в виде бритоголового молодого человека, украшенного тремя золотыми перстнями-печатками и стандартной золотой цепью толщиной в руку. Габариты юноши по высоте и ширине в точности соответствовали дверному проему, а выпиравшие из карманов предметы наводили на совершенно определенные ассоциации. Агния даже решила поначалу, что к ней на огонек забрел представитель местного рэкета, и посочувствовала ему – взять с неё было решительно нечего, в кошельке оставалась последняя сотня, кажется, уже разменная. Она отложила вязание и устало вздохнула.

Но молодец, помявшись, представился Василием и попросил узнать, не грозит ли ему, в натуре, какая-нибудь беда на сегодняшней стрелке. Дескать, хозяин его направляет в одно сомнительное местечко для выяснения отношений с конкурентом, а ему, Василию, что-то с утра маетно. Вот он и решил заглянуть на всякий случай к колдунье, выяснить, не готовит ли ему судьба подлянку. Рекламу Модесты он прочитал, когда утром на толчке изучал газету месячной давности в поисках анекдотов.

Агния поправила на плечах таджикскую шаль, шуганула со стола злобно гнущего спину Воланда и машинально перетасовала колоду.

Карты легли совершенно определенно. Василию выходили полные кранты.

– А может, все-таки казенный дом светит? В смысле, менты заметут или в больничку попаду? – горестно вопрошал амбал, но Агния была непреклонна:

– Не доживешь ты до следующего дня, касатик, если не обхитришь вот этого червового короля. А если обхитришь, то будет тебе и богатство и долгая жизнь без казенного дома, – тыкала она в карты.

Потом она для верности растопила в плошке воск и вылила его в воду. Даже обладающий минимальным воображением бандит сразу же увидел в застывшей субстанции изображение кладбищенского креста...

Когда вдали стих топот умчавшегося в панике Василия, Агния обнаружила, что он забыл уплатить за гадание. Вздохнув, она выловила из кувшина мокрый воск и снова принялась вязать, проклиная день, когда поддалась на Лёлькину провокацию и встала на сомнительную стезю предсказательницы. Надо было сообразить, что их всю дорогу жгли на кострах за добросовестный труд...

Утро следующего дня началось ужасно: Агнии еле удалось отбиться от ненормальной бабы, которая требовала, чтобы ей погадали непременно на человеческих костях. Баба удалилась, громко ругаясь и обзывая Агнию шарлатанкой, а бедная Агния принялась нервно разбирать запутавшиеся петли очередного шарфика. Воланд вылез из-под стола, куда спрятался от греха подальше – вдруг посетительнице влетело бы в башку погадать на его бранных останках за неимением человеческих.

– Кис-кис-кис, – позвала Агния кота и высыпала ему в блюдечко остатки "Вискаса".

Внезапно тишину затхлого дворика, куда выходило окно дворницкой, огласил рев моторов и визг тормозов. Через минуту в тесное помещенье ввалились четверо увесистых парней. Бряцая цепями и толкаясь локтями, как третьеклассники, вызванные к директору школы за курение в туалете, они обступили Агнию. Возглавлял делегацию живой, здоровый и страшно довольный Василий. Несколько обалдевшая гадалка прижала к груди магический шар и банку с ужом, которым явно угрожала опасность от обилия огромных неуклюжих конечностей.

Едва не рыдая от избытка чувств, Василий шлепнул на середину стола пачку зелененьких бумажек.

Оказывается, вчера он перехитрил таки червового короля. Не смея послушаться приказа хозяина и одновременно до колик боясь ехать на "стрелку", он, вместо того, чтобы рулить к месту встречи на верном "джипе", отправился в речной порт. Погрузившись на катерок, он переплыл реку и с тылу подобрался к ангару, где должно было состояться толковище. Конкурирующую братву он узрел практически сразу: весело матерясь, она устанавливала на двери ангара здоровенное взрывное устройство, способное в молекулы разнести первого, кто дернет на себя ручку.

Пылая праведным гневом, Василий достал ствол и с одного выстрела попал в адскую машинку, которая полностью оправдала надежды своего создателя. Приехавшая на место взрыва милиция пинцетом собирала в пробирки со стен разодранного, как консервная банка, ангара то, что осталось от зловредных конкурентов.

Хозяин за находчивость вынес Василию благодарность, а его друзья возжаждали лично познакомиться со жрицей оккультных наук.

И пошло-поехало. Поначалу Агния предсказывала разнообразным бандитам, какие гадости им в ближайшее время следует ждать от переменчивой фортуны. А так как трудовая преступная жизнь богата неприятностями, то никто и не думал предъявлять Великой Модесте претензии, наоборот, благодарили и щедро оплачивали самые кошмарные прогнозы. А если они сбывались, то оставшиеся пока в живых братки начинали относиться к Агнии с ещё большим почтением.

Вскоре в бывшую дворницкую зачастили и клиенты покруче – криминальные авторитеты, бизнесмены, даже банкиры и местные политики. Агния истрепала не одну колоду карт,

предсказывая им плачевные результаты финансовых махинаций, непереносимое падение курса доллара и даже дурацкие результаты выборов. При этом она никогда не врала, просто научилась читать карты несколько иначе. Не станешь же блять про несчастную любовь и долгие слезы мордороту, сопровождаемому тремя охранниками.

Самое смешное заключалось в том, что почти все пророчества Агнии сбывались. А когда вызванный ею дух недавно убиенного авторитета по кличке Чума сообщил почтительно восторженной публике, что новым мэром города станет коммунист Трепетов, а он, Чума, жутко скучает на том свете без сауны с девочками и своего мобильного, слава Модесты подскочила на небывалую высоту.

Жильцы дома, вначале обалдевшие от наплыва специфической публики, попытались, было, роптать, но потом сообразили, что теперь они могут жить, как у Христа за пазухой. Ни один домовладелец не смел покуситься на квартиры обитателей дома, где обосновалась Модеста. Подъезд отныне сверкал чистотой и пах свежей краской, а во дворе появились новенькие скамейки, штaketник и даже детская карусель. Откуда это взялось, трудно сказать, но ходили слухи, что новому мэру сообщили о поддержке его кандидатуры с того света самим Чумой, и он дважды тайно навещал прорицательницу и уходил от неё в глубокой задумчивости.

Так неожиданно для себя Агния разбогатела. Доллары и рубли теперь обильно кучковались вокруг неё, сея смятение в душе.

Братец Лева, на время позабыв о проблемах сексуальной ориентации, припал к забывшему источнику финансирования и постоянно ошибался в и без того тесной дворницкой. Затеваемые им с далекими от компьютерных новинок клиентами разговоры о новых "квестах" и "стрелялках", наводили тех на мысль, что странный парень на самом деле является либо наемным убийцей, либо суперагентом спецслужб. Разинув рот, бандиты слушали бессвязные, и оттого ещё более жуткие, описания виртуальных событий, в которых ушастый дылда с косицей мочил врагов самыми изуверскими способами или совместно с толпой цэрэушников носился по всему миру в поисках всяких секретных штук.

Наконец, Агния поняла, что дальше так жить нельзя, и приобрела в том же подъезде трехкомнатную квартиру на втором этаже. В большой комнате она устроила рабочее место и назвала её салоном, вторую превратила в приемную, а в третьей нахально воцарился Лева с новеньким компьютером. На кухне жили кот Воланд и приобретенный в обанкротившемся заезде зверинце питон Сигизмунд.

Агния продолжала ездить ночевать в свою коммуналку, что вызывало у Лёльки зубной скрежет.

– А твой братец не мог бы подумать о том, что тебе нужна элементарная спальня? – гневно вопрошала она облаченную в фиолетовый балахон подругу.

Та отрешенно стряхивала пепел с сигареты и, поглаживая развалившегося на коленях питона, качала головой:

– Левушке тут комфортно, я слежу, чтобы он регулярно питался и принимал душ...

– Правильно, а то без тебя он отощает и покрывается паршой. Ты понимаешь, что этому трутню уже двадцать пять лет? А ты следишь, чтобы он зубки чистил перед сном, а потом тащишься на другой конец города в свой клоповник!

В конце концов, Агния нашла отличный выход из положения. Она купила квартиру, которая находилась в соседнем подъезде на том же этаже. Вторая квартира была зеркальным отражением первой и имела с ней общую стену. Бригада шабашников, ремонтировавших новое жильё, сделала дверь, соединявшую обе квартиры. Дверь располагалась очень хитро – задняя стенка стеновых шкафов в прихожей сдвигалась в сторону и открывала проход. Об этой двери почти никто не знал. Днем в шкаф, расположенный в первой квартире, посетители вешали свою верхнюю одежду, а после их ухода Агния могла спокойно отправляться в свои апартаменты.

Кажется, даже Лева не подозревал о потайной двери – ему было просто наплевать, куда и каким образом исчезает по вечерам сестрица и откуда появляется утром. Если бы она ночевала на люстре, а спозаранок с грохотом сваливалась бы с неё на пол, то компьютерный маньяк и то вряд ли проявил бы интерес. Все его мысли витали в интернете, к которому он наконец-то получил возможность подключиться.

После обретения уютного жилища Агния смогла перевести дух и даже организовать кое-какую личную жизнь. Один из её самых верных клиентов, Вотя, которого на самом деле звали Виталием Барминым, предложил ей руку, сердце и достаточно тугой кошелёк. Агния благо-склонно приняла все три ингредиента и планировала в августе пойти с Вотей под венец. Так что ночные звонки давненько не тревожили Лёльку.

ГЛАВА 2

– Лёлька, это ты? – спросила Агния.

– А кому ты, интересно, звонишь? – раздраженно ответила подруга.

В ответ в трубке опять послышались громкие истеричные рыдания. Лёлька отодвинула трубку от уха и уселась по-турецки на кровати, готовясь выслушать очередной душераздирающий рассказ Агнии о ссоре с любимым Вотей, но то, что она в конце концов услышала между горестными вскриками, повергло её в шок.

– Ты в своем уме? – только и смогла пробормотать Лёлька и быстро добавила: – Сиди на месте и жди меня, я сейчас же еду к тебе. Ничего не предпринимай и никому больше не вздумай звонить!

Через пять минут, одетая во что попало, Лёлька уже отъезжала от своего дома. Дорога заняла не больше десяти минут, и все это время в её голове с разными интонациями звучала фраза, услышанная от подруги: "Вотю только что кто-то зарезал у меня дома, прямо у меня на глазах!" Лёлька пыталась сопоставить две части непонятной информации. Если Вотю зарезали прямо на глазах Агнии, то почему она не знает, кто это сделал? А если она не видела, кто это сделал, то почему вопит, что это произошло у неё на глазах? Оставалась ещё слабая надежда, что подруга просто набралась как следует и несет всякую ахинею, но во-первых, Агния отличалась умеренностью в употреблении горячительных напитков, а во-вторых, придумать такое даже в изрядном подпитии – это всё-таки чересчур.

Лёлька припарковалась у самого подъезда и поспешно нажала на кнопку домофона. Никто не ответил. Значит, Агния находится в той квартире, где расположен салон, как гордо именovala своё служебное помещение предсказательница. Лёлька перебежала к соседнему подъезду. На нем домофона не было. Поднимаясь по лестнице, она не услышала ни единого звука – дом мирно спал. Агния ожидала её в открытых дверях квартиры. Красные от слез глаза и распухший нос контрастировали с серебристо-жемчужным вечерним платьем и туфлями на высоком каблуке, пепельные волосы были всклокочены.

– Что произошло? – шепотом рявкнула Лёлька.

Агния слабо махнула рукой внутрь квартиры и посторонилась, пропуская подругу. Вотя лежал на спине поперек прихожей. На лице его застыло полное изумление, а в груди торчал огромный кухонный нож. Лёлька уставилась на труп, а Агния заревела и сползла по стене. То, что Вотя мертв окончательно и бесповоротно, было ясно с первого взгляда. Стараясь не смотреть в его широко открытые застывшие глаза, Лёлька обошла вокруг тела. Освещение в прихожей было явно недостаточное – горели только настенные бра, украшенные индийскими колокольчиками. Порядок вокруг царил идеальный, если не считать брошенный у зеркала палантин из белого меха, очевидно упавший с плеч Агнии. Судя по тому, что на Воте был элегантный костюм с синеватым отливом, парочка вернулась с какого-то светского мероприятия.

– М-мы были в "Мартинике", – пробормотала Агния сквозь рыдания, словно уловив ход мыслей подруги. – Потом за-за-зашли сюда и тут оно мелькнуло, толкнуло и убежало.

– Кто – оно? – сдавленно спросила Лёлька.

– Н-не знаю, метнулось откуда-то, налетело на Вотю, он упал. Потом на меня, я отлетела в сторону. Я не разглядела, кто это был, све-вет не зажигался, темно было-о-о, – завывала Агния, размазывая по щекам остатки макияжа.

– Ну хоть мужик был или баба? Это даже в темноте понять можно! – гаркнула Лёлька.

– А как поймешь? Толкнуло и убежало. Я выключатель у бра пока нашарила, его и след простыл. Свет зажгла, а тут Вотя с ножом лежит. – Агния ухватила себя за волосы и принялась мотать головой из стороны в сторону, издавая душераздирающие стоны.

Лёлька схватила её за плечи, рывком поставила на ноги и потащила на кухню. Усадив несчастную на табуретку и сунув ей в руки стакан воды, она уселась напротив и мрачно задумалась. Агния, громко стуча зубами о край стакана и давясь, пила воду. Ситуация выходила – хуже некуда. Кто-то в темноте пырнул Вотю ножом и исчез, оставив труп на полу в прихожей. И этот труп вполне могут повесить на бедную Агнию.

– Слушай, ты за нож случайно не хваталась, когда к Воте кинулась? Отпечатков не оставила? – спросила Лёлька, когда стакан опустел.

Агния помолчала, потом внезапно стала синеть. Вытаращенными глазами она уставилась в пространство и прошептала:

– Это мой нож! Я за него сегодня не хваталась, но на нем и так полно моих отпечатков, я им хлеб каждый день режу.

– Откуда ты знаешь, что твой? Таких ножей пруд пруди.

– А вот и нет! Он длинный, в ящик не помещался, и Вотя к его рукоятке колечко приделал, чтобы его можно было на стойку вешать. Я это колечко сразу увидела... – помертвевшими губами бормотала Агния.

Лёлке стало совсем нехорошо. Она даже почувствовала, что вот-вот тоже начнет синеть. Чтобы не допустить этого, она достала из шкафчика бутылку коньяка, которую Агния всегда держала там для неожиданных гостей и отхлебнула из горлышка.

– Дай мне, – попросила хозяйка и Лёлька молча протянула ей бутылку.

Но не успела Агния сделать глоток, как в прихожей нежно запел звонок. Тихая соловьиная трель громом грянула по натянутым до предела нервам, и коньяк выплеснулся в роскошное декольте Агнии. Подруги ошарашенно уставились друг на друга.

– Кто это может быть? – белыми губами прошептала Агния.

– Откуда мне знать? Может быть, соседи услышали твои рыдания и пришли узнать в чем дело...

– А если милиция?!

– С чего ты взяла, что это милиция? Кто её мог вызвать? – удивилась, было, Лёлька и тут же сообразила, кто. Тот, кто убил Вотю! Если он собирался подставить Агнию, он просто обязан был позвонить в милицию.

– Лёлька, я боюсь! Давай убежим в другую квартиру и скажем, что нас здесь не было.

– Идиотка! Тогда тебя уж точно посадят. Неужели ты думаешь, что милиционеры круглые болваны? Нет уж, идем открывать! – потащила её в прихожую, где заливался уже второй звонок, Лёлька.

Когда они достигли входной двери, Агния попыталась все-таки вырваться и нырнуть в стенной шкаф, но подруга держала её мертвой хваткой. В результате они чуть не свалились на труп Воти, шархнулись от него, подкрались к входу и стукнулись лбами, пытаясь одновременно заглянуть в дверной глазок. Звонок прозвенел в третий раз и Лёлька, глубоко вздохнув, отперла, наконец, дверь.

Девушка, стоящая на пороге, удивленно уставилась на их перекошенные физиономии. Потом она обозрела бальный наряд Агнии, залитый коньяком, и облачение Лёльки, которая поверх пижамы натянула старые джинсы и вязаный пуловер с широким воротом.

Внешний вид гостьи тоже производил впечатление. И если кожаные брючки цвета лосося и пушистый белый свитерок, между которыми открывалась глазу изрядная часть худосочного тела с пупком, украшенным цветной стекляшкой, еще можно было пережить, то волосы девушки определенно вызвали бы столбняк даже у несущегося на всех парах товарного состава. Правая часть встрепанной и одновременно слипшейся прически незнакомки имела фиолетовый цвет, тогда как левая была снежно-белой с вкраплением голубых прядей. Идеально ровный пробор, разделяющий волосы был оформлен цветными стекляшками. В обрамлении такой шевелюры лисья мордочка гостьи, украшенная стильными очками в перламутровой оправе, выглядела совершенно ничтожной.

Все трое оцепенели на некоторое время. Гостья пришла в себя первой. Вызывающе вздернув острый носик, она потребовала:

– Гийома позовите, пожалуйста.

– Кого? – хором удивились Лёлька с Агнией.

– Гийома! Он здесь живет. Мы только что решили, что нам пора встретиться в реале.

– Где? – переспросила Лёлька, пытаясь сообразить, как такой кадр могли выпустить из психиатрической лечебницы.

– Здесь нет никакого Гийома! Здесь живу я, – в свою очередь нервно возмутилась Агния.

– Но он меня ждет! – напирала девушка. – Скажите ему, что пришла Лулу, его родственная душа из мира грез.

– Девушка, говорят вам, здесь нет Гийома! Вы, наверное, ошиблись адресом, – попыталась вразумить её Лёлька.

– Ну уж нет! – внезапно завопила девушка. – Неужели этот проходимец пригласил сюда и вас, лахудр драных? Пустите меня к нему, я с эти извращенцем разберусь!

С этими словами феерическая Лулу растолкала в стороны опеших подруг и влетела в квартиру. С разбегу она споткнулась о ноги лежащего тела и грохнулась на пол рядом с ним. В следующую минуту приходящая огласилась диким воплем – девушка рассмотрела нож в груди трупа и заблуждала дурным голосом. Агния мгновенно захлопнула дверь, а Лёлька кинулась к гостье, безуспешно уговаривая её прекратить кричать.

Но та орала, как резанная, отбиваясь от Лёльки ногами, обутыми в стильные полусапожки. Получив пару ощутимых пинков, Лёлька махнула рукой и устало опустилась на пуфик, стоящий около зеркала. Девушка неожиданно перестала орать, вскочила на четвереньки и резво отбежала в дальний угол прихожей. Там она уселась на корточки и уставилась на мертвого Вотю.

– Так вот какой ты был, Гийом! – с пафосом воскликнула она и укоризненно посмотрела на Лёльку и Агнию. – Значит, вы его убили. Зачем? Из-за меня? Не слабо...

– Она психопатка, – устало констатировала Лёлька.

– Точно психопатка, – подтвердила Агния, сбрасывая туфли и болезненно морщась. При прорыве девушки в квартиру она оступилась и подвернула ногу.

– А вы – убийцы! – злорадно отозвалась из угла Лулу и повторила нараспев: – Не сла-або!

– Все, хватит, нужно вызывать милицию! – воскликнула Лёлька. – Иначе сюда прибегут и Гийом, и все соседи по дому. Такие вопли только глухой не услышит.

– Ладно, только я сама позвоню. А ты следи, чтобы эта поганка на меня не бросилась, – попросила Агния, осторожно приближаясь к телефону.

– Сама поганка! – тут же откликнулась девушка. И добавила: – Я все про вас расскажу, гадюки!

Не обращая на неё внимания, Агния набрала нужный номер и устало сообщила об убийстве. До приезда милиции они так и оставались в прихожей, только Лулу уселась в своем углу в позу "лотоса" и, раскачиваясь, принялась вслух восхищаться неземной красотой мертвого Воти, которого упорно продолжала именовать Гийомом.

Бормотание девицы так достало Лёльку, что она была рада, когда, наконец, в квартиру вломилась толпа мужчин в форме и в штатском. Они немедленно оттеснили девушек на кухню и принялись фотографировать все подряд и посыпать предметы обстановки порошком для снятия отпечатков пальцев. Высокий импозантный брюнет с седыми висками – видимо, следователь, уселся посреди кухни на табурет и обвел присутствующих строгим взглядом:

– Ну и что тут у вас произошло, барышни?

– Они убили Гийома! – немедленно высунулась вперед Лулу.

Брюнет, пораженный до самого последнего нервного окончания её экзотическим видом, сделал над собой усилие и уточнил:

– Значит, убитого звали Гийомом? Иностранец?

– Да нет, его звали Виталием Сергеевичем Барминым, тридцать восемь лет, неженат, проживает на Пушкинской улице, дом тридцать пять, квартира шестнадцать, – устало ответила Агния.

– А почему тогда?.. – брюнет красноречиво указал на Лулу.

– Да черт её знает, – в сердцах воскликнула Агния. – Приперлась сюда к какому-то Гийому, ворвалась в квартиру, увидела мертвого Виталия и принялась твердить, что он и есть Гийом. Чокнутая идиотка!

– Сама идиотка! Мне Гийом назначил тут встречу, в реале. Я прихожу, а эти прошмандовки его уже успели зарезать. Бедный Гийом! Теперь нас ожидает встреча в только следующем из миров, – закатила глазки девица.

Брюнет с трудом отвел от неё взгляд и затряс головой. Лёлька нашла на столе сигареты, закурила и устало попросила:

– Вы лучше нас по отдельности допрашивайте, а то эта особа, – она кивнула на вставшую в транс Лулу, – только все запутывает. Никакого Гийома тут нет и никогда не было, но доказать ей это невозможно.

– Ладно, – покладисто согласился представитель органов. – Только я хотел бы знать, кто из вас хозяйка квартиры и кто первым обнаружил труп?

– Я, – мрачно отозвалась Агния. – Я хозяйка квартиры и я обнаружила труп. Вернее я была рядом с Вотей, когда его убили.

– С каким Вотей? – обалдел брюнет. – Убили ещё и Вотю?

На Лёльку внезапно напал истерический смех, и она подавилась дымом. Пока она откашливалась, Агния терпеливо объясняла, что убитый Виталий Сергеевич Бармин и есть убитый Вотя.

В тот момент, когда информация, наконец, дошла до сознания следователя, раздался громкий топот, и в кухню ввалились два милиционера, таща под руки упирающегося Леву. Выглядел братец не лучшим образом – в семейных трусах с изображением Русалочки, старых сланцах и порванной на плече футболке. Бледная ушастая физиономия выражала растерянность и негодование. По всей видимости, его грубо оторвали от любимого компьютера.

Агния с Лёлькой онемели – они совершенно забыли про существование Левы и теперь одновременно изумились тому, что он, все это время находясь в квартире, даже не вышел поинтересоваться, что же тут происходит. А ведь всяческих звуков, причем очень громких, раздавалось предостаточно.

Брюнет тоже изумился и вопросительно посмотрел на Агнию. Та пожала плечами:

– Это мой брат. Он не в курсе событий, сидел в своей комнате, не выходил, ничего не знает.

– Лев Львович Сташевский, – представился, шаркнув ножкой, Лева. Потом вырвал у милиционера руку, сунул её под футболку и со скрежетом почесал худосочную грудь. – А в чем, собственно дело?

Брюнет прищурясь оглядел долговязую фигуру и с расстановкой спросил:

– А вы что, ничего не заметили?

– Где? – изумился Лева.

– В прихожей, на полу, – уточнил следователь.

– А что там?

– Там труп, – последовало уточнение.

– Чей? – разинул рот братец и растерянно посмотрел на Агнию. Потом перевел взгляд на Лулу и содрогнулся от макушки до пяток.

– Виталия Сергеевича Бармина, – отчеканил следователь, медленно наливаясь злобой.

– Воти? – уточнил Лева, не отводя зачарованного взгляда от радужных волос девицы. И отрешенно пожав плечами, пробормотал: – Не заметил.

– Вы что, уже увезли тело? – металлическим голосом осведомился брюнет у одного из милиционеров.

– Да нет, эксперт пока не велел трогать, – изумленно ответил тот.

– Так какого же... – повысил голос следователь, но осекся и ещё раз пристально взгляделся в Леву.

Выражение лица родственника хозяйки квартиры и то, что он не заметил труп, занимающий почти все пространство прихожей, через которую только он что прошел, наводило на определенные умозаключения. "Законченный придурок", – сделал вывод представитель органов и тоскливо вздохнул. Он по опыту знал, как трудно распутываются дела, в которых свидетелями выступают подобные типы.

В этот момент Лулу, до этого меланхолически созерцавшая узор на корзинке с печеньем, внезапно встала и с надрывом заявила, шлепнув по столешнице узенькой ладонью:

– Вы мне должны его отдать!

– Кого? – отшатнулся от неожиданности следователь, тесня милиционеров и зажатого между ними Леву.

– Моего Гийома! Я обязана украсить его последний путь, ведь нам ещё предстоит условиться о новой встрече за гранью вечности.

Милиционеры уставились замороженными бараными взглядами на неожиданно вспорхнувшее пестрое существо, а Лева слабо затрепыхался в их руках и возмутился:

– Вы не имеете права! Я возражаю!

– Против чего? – удивился неожиданному Левиному порыву брюнет.

– Я не хочу, чтобы меня отдавали этой... – он с трудом подобрал нужное слово и, наконец, нашел его: – Шутихе. Да ещё в последний путь! У меня, в конце концов, права есть, и я не позволю...

– Да при чем здесь ты? – раздраженно отмахнулась от него девица. – Я требую отдать мне моего возлюбленного Гийома!

– А я кто? – Лева слегка раздвинул милиционеров и подался вперед.

– А ты – козел в трусах, – коротко и уничижительно охарактеризовала его "шутиха".

Лева задохнулся от негодования и изо всех сил завопил:

– Да во всех блуждающих мирах нет второго Гийома, кроме меня, рыцаря в лунных доспехах, собирателя пылинок Вечной Вселенной и защитника её хрупких ростков! А ты, кисть малярная, осмеливаешься называть меня козлом?!

Вслед за этой тирадой наступила звенящая тишина. Даже за дверью кухни прекратилось всякое движение. Лица милиционеров стали до предела задумчивыми – один из немногих свидетелей явно ускользал от них в направлении психиатрического отделения городской боль-

ницы. Следовательно, напротив, развеселился и, ухватив Лулу за локоть, подтащил её поближе к Лева, потом ткнул рыцаря в лунных доспехах пальцем в солнечное сплетение и объяснил девушке:

– Вот ваш возлюбленный Гийом, дорогуша! Можете забирать и пользоваться, мы препятствий чинить не будем. Только прошу не торопиться отправлять его в последний путь, он должен ещё дать показания и подписать протокол.

Поднявшийся вслед за этим гвалт не поддается описанию. Разочарованные Лулу и Лева-Гийом гневно обвиняли друг друга в очковтирательстве при виртуальном общении, во время которого каждый описал свою внешность мягко говоря с некоторым преувеличением. Ничего не понимающие милиционеры допытывались, как же на самом деле зовут странного субъекта в трусах, а Лёлька пыталась им втолковать, как можно познакомиться в виртуальном мире, не видя друг друга. В довершение всего с кухонного шкафа свесился до этого мирно спавший там питон и выразил желание принять участие во всеобщем бардаке. Лёльке пришлось стащить Сигизмунда вниз и устроить у себя на плечах, чтобы успокоить ошеломленных его появлением стражей закона.

Махнув рукой на возможность навести хоть какой-то порядок, следовательно увлек за собой Агнию, чтобы спокойно расспросить где-нибудь в другом помещении. Но как на грех, в тот момент, когда они вышли в прихожую, тело Воти подняли, чтобы переложить в черный пластиковый мешок. Голова убитого запрокинулась, и укоризненный взгляд его карих глаз уставился прямо на бедную женщину. И без того измученная Агния немедленно лишилась чувств и кулём свалилась на руки ближайших оперативников.

До крайности раздосадованный, следовательно вернулся на кухню, вытурил оттуда всю публику, кроме Лёльки, выпил кружку воды и устало плюхнулся на табуретку. Некоторое время он молчал, потом пожаловался:

– Да что ж это за ночь такая, сначала вызов на убийство в дачном поселке, где теплая компания бомжей перепилась в пустующем с осени доме до поросычьего визга и развлеклась битьем банок с томатным соком. Внезапно приехал хозяин дачи, увидел в своем доме кучу тел, залитых кровью, и поставил всех на уши. Мы туда почти час добирались. За это время пьяницы ожили и стали расползаться, как тараканы, по соседним участкам. Пришлось оперативной бригаде их ловить. И тут же погнали сюда... А уж тут – полный абзац: девица в безумной раскраске, Гийом этот придурочный, змеи со шкафа валяются. И, главное, допросить никого толком невозможно...

– Ну, допросите меня, – предложила Лёлька, которой стало жаль беднягу. – Только давайте я чайник включу и кофе нам сделаю.

– Кофе, это хорошо. Кофе – это совершенно нормально, а если вы еще и змеюгу куда-нибудь приберете, будет совсем здорово, – обрадовался следовательно и достал бланки протокола. Настенные часы показывали половину пятого утра...

Когда Лёлька заканчивала давать показания, на кухню заглянул один из оперативников и сообщил, что хозяйка квартиры более-менее пришла в себя и в состоянии общаться. Следовательно, которого, как оказалось, звали Арсением Петровичем, моментально отправился к Агнии в салон. Войдя туда он несколько оробел, хотя из беседы с Лёлькой узнал о неординарной профессии её подруги и был готов к соответствующему интерьеру.

Агния возлежала на широком кожаном диване, укрытая бархатной мантией радикально-черного цвета. Выглядела она ужасно – бледное лицо, темные круги под глазами. У её изголовья устроился огромный черный кот, один глаз которого был желтым, а второй – ярко-зеленым. Потолок комнаты был черным, а ковер на полу – наоборот – снежно-белым. На белом фоне четко выделялись грязные отпечатки обуви сотрудников следственной группы. А так как группа приехала сюда непосредственно с дачи, залитой томатным соком, то было похоже, что по ковру бродила парочка вампиров после кровавого пиршества.

Кроме дивана, в комнате был только круглый стол, покрытый алым шелком, несколько стульев с резными высокими спинками и старинный буфет. К содержимому буфета Арсений Петрович долго присматривался: там виднелись пыльные бутылки темного стекла с залитым сургучом горлышками, какие-то потрепанные фолианты и множество оплавленных свечей. Ржавый канделябр с пятью толстенными свечами красовался и на столе рядом с хрустальным шаром. Пахло в комнате травами и воском. Агния сбросила с себя накидку и, пошатываясь, поднялась.

– Вы можете лежать, – сочувственно кивнул ей следователь. – Нам придется долго беседовать, а вы ещё не пришли в себя.

– Нет уж, лучше подняться, а то потом будет кружиться голова.

С этими словами она приблизилась к буфету и извлекла из него не какое-нибудь колдовское зелье, а пачку "Парламента" и здоровенную чугунную пепельницу. Водрузив её на стол, она немедленно закурила. Кот громко мякнул и, укоризненно глянув разноцветными глазами на хозяйку, поспешно удалился.

Арсений Петрович, успевший разложить на столе бумаги, произнес:

– Итак, Агния Львовна Сташевская. Возраст...

– Двадцать девять лет, – тяжело вздохнула Агния, словно возраст был на данный момент её главной проблемой.

Лёлька в это время маялась на кухне. В квартире царила какая-то напряженная тишина, изредка прерываемая приглушенными и непонятными звуками. В них чудились то резкий скрип, то бесовской хохот, то быстрые шаги. В конце концов, Лёлька не выдержала и, крадучись, вышла в прихожую. Ей пришла в голову мысль позвонить Олегу и сообщить, где она находится и почему. Но трубки на аппарате почему-то не было. Странно, обычно её никуда не уносили, а если уносили, то после разговора клали на место.

Лёлька озадаченно посмотрела по сторонам и под ноги: на темном ковровом покрытии прихожей белел старательно выведенный контур человеческого тела. "И зачем они это делают? – задумалась она. – Чтобы подольше действовало на психику? Ведь тело Воти и фотографировали, и снимали на видео. Так ведь нет – изобразили фигуру, как в дешевом детективе. Аньке и без того тошно, а тут еще этот силуэт".

Тут в глубине квартиры снова раздался странный хохот и глухие не то взрывы, не то выстрелы. Потом в туалете кто-то спустил воду. Лёлька настороженно замерла, но из туалета никто не вышел. "Черт знает что происходит в этом доме!" – пробормотала про себя Лёлька, возвращаясь на кухню. Там над своей пустой мисочкой грустно сидел Воланд. "И кот откуда-то материализовался, его ведь здесь не было". Она налила в миску молока. Хотела покормить и питона, но совершенно не представляла, что он ест.

В коридоре послышался быстрый топот босых ног и хихиканье. Лёлька, как ошпаренная, выскочила из кухни, но никого не увидела. Тогда она нажала кнопку на телефонном аппарате. Лампочка замигала, но сигнала трубки не было слышно. Что за чертовщина? И Лёлька отправилась искать трубку. В приемной её не было. Там, кажется, вообще ничего не было, кроме нескольких кресел и стеклянного столика, испачканного белым порошком для снятия отпечатков пальцев. В салон Лёлька заглянуть не решилась и, выйдя из приемной, приблизилась к двери Левиной комнаты. Тут она сразу поняла, откуда доносилась большая часть странных звуков – за дверью слышалось визгливое хихиканье и громкие вскрики.

– Чем они там, черт побери, занимаются? – прошипела Лёлька. Из комнаты послышались протяжные стоны, что-то упало и покатилося по полу. – Неужели эта безумная парочка все-таки поладила и, не теряя времени, занялась любовью?

Тут раздались странные хлопки и индейский клич. Если это секс, то, по меньшей мере, слегка странный... Не в силах сдержать любопытство, Лёлька осторожно приоткрыла дверь и

заглянула в щелочку. Лева и Лулу плечом к плечу сидели у дисплея и резались в какую-то "стрелялку". Разозлившись, Лёлька громко постучала, но оба даже ухом не повели. Тогда она вошла и демонстративно поискала трубку – её не было и тут. Спрашивать что-либо у ненормальных было бесполезно – они не отрывали взглядов от экрана, на котором изрыгал огонь ствол здоровенной гаубицы и метались разлетающиеся на кровавые ошметки фигуры противных полуразложившихся зомби. Мельком взглянув на это безобразие, Лёлька ощутила настоятельную потребность посетить туалет.

И тут её ждала неожиданность. Стены и потолок крошечного помещения были разрисованы из баллончика красной нитрокраской. Рисунки не отличались разнообразием – в основном это были перевернутые пятиконечные звезды в круге и опять же перевернутые изображения крестов. Композицию дополняли несколько кривоватых каббалистических знаков, а прямо над бачком унитаза красовалась устрашающая фигура рогатого мужика с огромными зубами. Нарисована она была неумело, но вдохновенно. Забыв, зачем пришла, Лёлька ошарашенно уставилась на дикую роспись. Не далее как три дня назад она забегала к Агнии, и тогда помещение туалета сияло стерильной белизной.

Она ворвалась в салон в тот момент, когда Агния описывала появление в своей квартире Лулу. Замолчав на полуслове, она вопросительно уставилась на Лёльку. Следовательно, старательно строчивший протокол, поднял голову и уронил ручку при виде Лёлькиной перекошенной физиономии.

– Что за чертовщина намалевана у тебя в туалете? – выпалила Лёлька с ходу.

– Не знаю, – удивилась Агния. – А что там нарисовано?

– Говорю же, чертовщина. Перевернутые кресты, пентаграммы, а в центре композиции – Люцифер.

– Ни фиги себе! – ахнула Агния. – Ничего такого до нашего с Вотей ухода из дома не было. Я бы обратила внимание. И милиция ничего мне не сказала... – она вопросительно уставилась на Арсения Петровича.

Следовательно пожал плечами:

– Откуда нам знать? Думали, так и было, мало ли, какие у хозяев вкусы. Я, например, видел в одной квартире ванную, расписанную сюжетами из "Кама-сутры"...

– То "Кама-сутра", классика, можно сказать, а то – Антихрист со всеми атрибутами! – разозлилась Лёлька.

Агния сорвалась с места и помчалась в туалет. Через минуту она вернулась в глубокой задумчивости и, плюхнувшись обратно на диван, печально покачала головой:

– То-то, когда мы вошли ночью, мне показалось, что в квартире пахнет чем-то химическим. Значит, оно вот чем занималось, поджидая нас. Ну и гадство...

– Да, интересная картина получается, – пробормотал следовательно, обращаясь к ней. – Если следовать логике событий, выходит, что некто забрался в вашу квартиру, когда вас не было. В ожидании вашего возвращения он разрисовал из баллончика туалет дьявольской символикой, вооружился вашим кухонным ножом, отключил одну из пробок на электрощитке, а когда вы вернулись, ударил в темноте Бардина ножом в грудь, оттолкнул вас, выскочил из квартиры и был таков.

– Получается, так, – подтвердила Агния.

– Ну, тогда поясните, у кого могли быть ключи от вашей квартиры, потому что установлено, что замок не открывали отмычкой?

– Ключи были только у меня и у Левы, третий комплект лежит в прихожей. В ящике тумбочки, – тут же ответила хозяйка.

– А у вашего жениха?

– У Воты? – удивилась Агния. – Зачем?

– Ну, просто потому что обычно женщины дают ключи от своего жилища близкому мужчине, – терпеливо пояснил Арсений Петрович. – Насколько я понимаю, убитый Виталий Сергеевич Бармин был вашим женихом?

– Конечно. Но ключей я ему не давала, – настаивала Агния.

Лёлька хотела встрять и объяснить, что на самом деле эта квартира не является жилищем Агнии, живет она за стенкой, но подумала, что Агния по каким-то причинам не хочет говорить об этом, и промолчала. Вообще-то, проницательный сыщик мог бы и сам сообразить, что в этой квартире нет и намека на спальню молодой женщины. Нет даже гардероба с одеждой, а в ванной комнате отсутствует необходимое количество шампуней, кремов и косметики.

Но, видимо, следователь настолько проникся образом необычной прорицательницы, что счел для неё необязательным наличие всех этих атрибутов. Вполне возможно, он полагал, что Агния ведет странный образ жизни – спит на голом кожаном диване, ходит круглосуточно в серебристом вечернем платье, а голову моет какой-нибудь желчью гадюки. Во всяком случае, он не проявил сообразительности в этом вопросе, а отправился в прихожую проверить наличие ключей в тумбочке. Лёлька и Агния потащились за ним и убедились, что ключи лежат на обычном месте.

В то время, когда они рылись в тумбочке, в прихожую ввалился один из оперативников и что-то горячо зашептал Арсению Петровичу на ухо. После чего оба представителя закона куда-то немедленно исчезли. Лёлька, заметив, что подруга горестно уставилась на белый силуэт на полу, поспешила увести её на кухню, чтобы напоить кофе. Пока кофе готовился, обе молча курили. Лёлке ужасно хотелось задать Агнии несколько вопросов, но она боялась лишний раз расстроить её. Наконец, налив в чашки крепкий, почти черный напиток, не выдержала.

– Вотя, конечно был милейшим человеком, но ведь в наше время занятие бизнесом означает повышенный риск. Ты хоть знаешь круг его интересов – партнеров, конкурентов?

– Что-то он такое рассказывал, – задумчиво ответила Агния, затягиваясь сигаретой. – Но, честно говоря, я мало этим интересовалась. Обычные вещи – это купил, с тем договорился. Конечно, хитрил, подставлял кого-то, но ведь все так делают, крутятся, как могут. Деньги у него водились, значит, умел дела проворачивать. Я в этом мало понимаю, ни к чему мне.

– А я думала, что раз ты своим клиентам чего-то там предсказываешь и советуешь, то кое-что знаешь об их делах.

– С ума сошла? – удивилась подруга. – Нафига мне это знать? Я карты раскину, посмотрю, что выпадет – успех или неудача, риск или все гладко. Иногда посоветую повременить или, наоборот, быстренько все обстригать. А уж они сами соображают, о чем речь, иногда только просят уточнить, о деньгах или о благородных королях, к примеру. Чиновниках, то есть. Но обычно с какой-то одной проблемой приходят, на большое количество интересов у них фантазии не хватает.

Лёлька уселась на подоконник и нахмурилась.

– А что ты знаешь вообще про Вотю? Ну, какие у него есть родственники, например. Он ведь вроде бы раньше был женат?

– О-о-о, – протянула Агния и залпом выпила свой кофе. – Родственники Воти – это целая песня! Женат он был на некой Зинаиде. Старше она его лет на пять, двое детей от двух предыдущих браков. А уж от Вотечки Катьку родила, ей сейчас десять лет. Мы как-то втроем с Вотей и Катькой провели целый день на теплоходе: это был полный кошмар. Девчонка совсем без тормозов, такое впечатление, что у неё жизненный принцип – сделать окружающим максимум гадостей. Истребляет жвачку тоннами и наклеивает её исключительно на скамьи и прочие сиденья, я привезла на своей заднице сразу три штуки. За столом в ресторане не поздоровилось всем – кому соль в чай, кому сахар в суп, а Воте достался уксус в водку. Представляешь, как он плевался? Ребенок был просто счастлив. Такая вот милая деточка с явной социальной патологией. Видимо, сказывается воспитание – Зинаида вышла замуж в четвертый раз за дикого сына

гор Акакия Гогуа. – Агния поежилась. – Я видела его один раз и до смерти не забуду. Рожа ужасная, бритый череп и уши, как у нетопыря. Трудится на почве выколачивания долгов. Просто гений в этих вопросах – с такой-то рожей. А Катьку избаловал до невозможности, обожает маленькое чудовище и зовет "бутончиком". Вотя просто на стенку лез от этого.

– Слушай, а не мог этот самый Гогуа убить Вотя? По-моему, самый подходящий персонаж. – Задумчиво спросила Лёлька. Агния прыгнула с подоконника, чуть не наступив на Воланда, умывавшегося около батареи.

– Знаешь, я сама об этом размышляла, но как-то не сходится. Я все время думаю, кто это мог быть, но не могу даже сообразить – мужик или баба. Понимаешь, по той силе, с которой оно меня толкнуло – вроде бы мужик, но вот запах от него... Сладковатый запах, цветочный даже. От мужиков пахнет по-другому.

– Ты же сама сказала, что тут химией воняло, нитрокраской из баллончика, – удивилась Лелька. – Как ты могла уловить запах убийцы, да еще за мгновение какое-то? Он же сразу выскочил за дверь.

– Ну не совсем мгновенье, оно ведь сначала наскочило на Вотя, потом ударило его ножом, потом на меня налетело, толкнуло в грудь, я навзничь упала. Не видела поэтому, когда оно в освещенную дверь выскочило, а то бы хоть силуэт заметила, – тяжело вздохнула Агния.

– А может ты какие-нибудь звуки слышала. Ну, рычал там он или кряхтел, – допытывалась Лёлька, с трудом представляя, какие звуки может издавать убийца, расправляясь со своей жертвой.

– Да нет, ничего такого не издавало. Вотя только слабо охнул. Он так охал, когда я ему уколы от радикулита ставила. А так, тихо было.

Лёлька тоскливо уставилась на утреннее небо за окном. Воланд закончил умываться и, задрав хвост, отправился по своим кошачьим делам. Она вспомнила, что так и не позвонила Олегу, тот наверняка уже ушел на работу, а там отловить его просто невозможно. Олег работал в ежедневной газете и целыми днями носился по городу, выискивая сюжеты для статей. Тут она сообразила, что сегодня выходной, праздник – Первое мая, и ахнула:

– Анька! – завопила она так, что Агния едва не свалилась с табуретки. – Ты знаешь, что за ночь сегодня была?

– Какого рожна орешь? – возмутилась подруга. – Жуткая ночь была, просто кошмар. Я и без тебя это знаю.

– Да я не об этом! Ночь на первое мая. Ну, вспоминай же! Неужели вы даже это в своей убогой ведьминской школе не проходили?

– Чего не проходили? Не можешь изъясняться понятнее? У меня в башке и так вместо мозгов сплошной студень, ничего не соображаю.

Судя по выражению лица, Агния действительно уже была не в состоянии нормально и последовательно мыслить. И уж точно, знания, полученные в Москве, напрочь вылетели у неё из головы.

– Так ведь ночь на первое мая – Вальпургиева ночь. Все уважающие себя ведьмы в эту ночь слетаются на Лысую гору на ежегодный шабаш. Там еще козлоногие мужики с ними пляшут, – торжественно произнесла Лелька.

– Точно, – вспомнила Агния, потом побледнела и шепотом спросила: – Ты что, думаешь эти рисунки...? И убийство Воти... Ритуальное?

– Ну, на ритуальное убийство похоже мало, какой уж тут ритуал – выскочил, ножом ударил и удрал. Но то, что намалевано у тебя над унитазом, навеивает на определенные мысли...

Лелька не успела закончить фразу, как на кухне появился следователь Арсений Петрович и два оперативника. Физиономии у них были угрюмые и одновременно удовлетворенные.

– Агния Львовна, – устало спросил сыщик. – Скажите, когда вы с Барминым возвращались домой, не произошло ли между вами ссоры?

– Ссоры? – удивилась Агния. – Вроде, ничего такого... Хотя... Но это нельзя назвать ссорой. Просто мы были в ночном клубе, и там он слегка выпил. Начал отвечать на заигрывание какой-то размалеванной девки. Ну я его сцапала за шиворот – и домой, а по дороге, естественно, фыркала...

– А вот одна из соседок ясно слышала, что вы, поднимаясь по лестнице, громко говорили, что убьете Бармина, – злорадно прервал её один из оперативников.

– Кто, я? – разинула рот Агния. Потом подумала и согласилась. – Могла и такое сказать. Ну, вроде того: "Если еще хоть на одну голозадую проститутку будешь глаза пялить, убью!" Так ведь все так постоянно говорят...

– Но не все убивают, – вздохнул Арсений Петрович. – А ведь вполне могло быть так, что вернувшись в хорошем подпитии, вы продолжили ссору и дома. Схватили нож, ударили им вашего жениха. Потом, увидев, что он мертв, спохватились и решили инсценировать нападение. Разрисовали туалет, вырубил предохранитель и вызвали подругу. Могло так быть?

Агния закусил губу и с тоской посмотрела на Лёльку. Выглядела она – хуже некуда. Волосы растрепаны, на тонкой серебристой ткани платья проступили желтоватые пятна от пролитого на него коньяка, выражение лица совершенно опустошенное.

– Вы с ума сошли, – только и смогла пробормотать несчастная, роняя голову на сложенные на столе руки.

– Не знаю, не знаю, – покачал головой следователь. – Но задержать вас я просто обязан.

С этими словами, он ухватил Агнию за локоть и повел к выходу из квартиры. Лёлька взвилась, как ужаленная, и бросилась за ними.

– Вы не имеете права! – закричала она, заслоняя собой дверь.

– Имею, можете не сомневаться! – отрезал неумолимый Арсений Петрович, а оперативники легко устранили Лёльку с его пути.

Перед тем, как закрыть дверь у неё перед носом, последний выходящий обернулся и сочувственно порекомендовал:

– Вы бы собрали для подруги вещички: зубную щетку, костюмчик спортивный, тапки какие-нибудь. Принесете в управление, в шестнадцатый кабинет, мы там будем.

ГЛАВА 3

Ошарашенная Лёлька осталась посреди опустевшей прихожей. Негодование душило её. Как они могли додуматься до такой нелепости? Агния даже тараканов убивать не может, ей кажется, что зловредные насекомые всё-таки не заслуживают смерти только за то, что бегают себе по кухне и мирно размножаются. А тут – любимый мужчина! Может быть, Агния и не была влюблена в Вотю до беспамятства, да и трудно ожидать сумасшедших чувств от женщины, дважды испытавшей разочарование в браке. Но то, что она ценила добродушный нрав и широкую натуру Воти – вне сомнений. Она собиралась создать, наконец, прочную семью, завести детей, и выбрала мужика, за которым чувствовала бы себя, как за каменной стеной. И тут такое...

Первым делом Лёлька кинулась к стенному шкафу и проникла в другую квартиру. Здесь, в отличие от первой, чувствовалось желание создать женский уют. Стены были оклеены темными французскими обоями, дубовая мебель, бронзовые люстры и светильники.

В спальне Лёлька отыскала в шкафу теплый спортивный костюм и кроссовки, белье и толстые носки. Уложив все это в пакет, она сунула туда же щетку для волос, мыло, туалетные принадлежности и полотенце. На кухне нашла блок сигарет, пачку крекеров и банку гранулированного кофе. Что ещё? Что вообще можно брать с собой в тюрьму? Лёлька выгребла из холодильника батон сырокопченой колбасы и упаковку сыра. Даже если это нельзя, откуда ей знать? Передаст, и всё!

Вернувшись через шкаф обратно, Лёлька без церемоний вошла в комнату Левы. Тот, не отрывая глаз от дисплея, целовался с Лулу, удобно устроившейся у него на коленях. Девушка рассталась с полусапожками, и они валялись в разных углах комнаты. Голые ступни она поместила на столе и в упоении шевелила пальцами с выкрашенными зеленым лаком ногтями прямо перед экраном монитора. Лёлька нарушила тройственный союз двух идиотов и компьютера, проорав прямо на ухо Лева:

– Агнию арестовали, я повезла ей вещи в милицию. Замок из двери вынули, так что карауль квартиру!

Девушка от неожиданности едва не свалилась на пол, а Лева обернулся и разинул рот, явно требовавший внимания дантиста.

– Как – арестовали? – проблеял недоразвитый братец.

– Как – арестовали? – эхом повторила его разноцветная подружка.

– За что? – хором ахнули оба и почему-то обалдело посмотрели друг на друга.

– Слушай сюда! – гневно рявкнула Лёлька на Леву. – Агнию подозревают в убийстве Воти. Сейчас увезли в управление внутренних дел, кабинет номер шестнадцать. Только ты туда не едь, я сама все сделаю: отвезу вещи, найду адвоката, ты лучше не лезь. Сиди дома, пока замок не вставят. Еда в холодильнике. Я позвоню.

Уже закрывая за собой дверь комнаты, Лёлька услышала звук поцелуя и лепет Лулу: "Ах, Гийом, бедный мой Гийом!"

В управлении ей не разрешили поговорить с Агнией, только забрали пакет с вещами и немедленно выпроводили. Кипя от негодования, Лёлька помчалась домой. По дороге она пыталась сообразить, где взять в праздничный день адвоката, ведь ни одна контора не работает. А адвокат, ежику понятно, Агнии был необходим. И немедленно. В таком усталом и угнетенном состоянии она может наболтать неизвестно чего.

Олега дома не было, но Лёлька даже обрадовалась, что не нужно тратить время на объяснение ситуации. Она кинулась к телефону и принялась обзванивать мало-мальски влиятельных друзей. Те обещали помочь, но только после праздников, а это её не устраивало категорически. Ей даже удалось узнать телефон одного адвоката, но на её настырные звонки никто не отвечал. Наверняка адвокат укатил на все четыре дня. Что же делать?

"Стоп, – сказала себе Лёлька. – Затормози и подумай. Агния ведь не простая баба. Её клиентура очень специфическая и влиятельная. Правда, по-своему. Наверняка многие из них захотят ей помочь. Жаль вот только, что я мало что знаю об этом контингенте. А уж где искать этих людей, и вовсе для меня тайна. Хотя..."

Просто от отчаяния, Лёлька полезла в справочник и к своему удивлению тут же нашла телефон Ивана Ивановича Старикова, самого известного в городе человека с весьма сомнительной репутацией. Однажды, ещё до знакомства с Виталием, Агния обмолвилась, что Стариков проявлял к ней определенный интерес. Не только как к прорицательнице, но и как к женщине. Развитию этого романа, как поняла Лёлька, помешала как разница в возрасте – Иван Иванович был старше Агнии на 30 лет, так и постоянная занятость Старикова делами весьма рискованными. Но отношения они сохранили вполне дружеские.

"Наверняка не ответит, да и телефон, скорее всего, старый. Или вообще не его, мало ли Стариковых в городе". Но тут в трубке раздался характерный густой баритон.

– Слушаю.

– Можно к телефону господина Старикова?

– Я у аппарата, кто говорит?

– Понимаете, я подруга Агнии Сташевской, – зачастила Лёлька, опасаясь, что её пошлют подальше и положат трубку. – Это гадалка... Модеста...

– Можете не объяснять, я прекрасно знаю Агнию Львовну, – прервал её баритон.

– Она попала в ужасную ситуацию, её арестовали. Нужен адвокат, а я никого не могу найти, все отдыхают, – на одном дыхании выпалила Лёлька и замерла.

– Куда прислать адвоката? – немедленно отозвался Стариков.

– В управление внутренних дел, шестнадцатый кабинет. Следователя зовут...

– Неважно, – опять прервал он её. – Мой адвокат через двадцать минут будет там. Спасибо, что позвонили.

Пожалуйста... То есть, вам тоже спасибо. Я компенсирую вам все расходы.

Не говорите ерунды! Разве это расходы? – Он откровенно хмыкнул, потом извинился и галантно попрощался.

Лёлька растерянно положила трубку и без сил плюхнулась в кресло. Она и сама не заметила, что во время разговора встала чуть ли не по стойке смирно. Ну и фрукт! Похоже, адвокат находится при нем постоянно, как собака, у левой ноги. Но главное, теперь у Агнии будет защитник. И наверняка неплохой, такие люди, как Стариков, не будут платить деньги всяким недотепам.

Потом она позвонила своему приятелю Бобу. Боб был умельцем на все руки и частенько выручал не только Лёльку, но и её родителей и брата Игоря во всяких жизненных передрыгах. Поломавшись, Боб согласился поехать к Агнии и врезать в дверь новый замок. Договорились, что один ключ он привезёт Лёльке, а остальные положит в тумбочку в прихожей, поставив об этом в известность Лёву.

Только теперь Лёлька смогла слегка расслабиться и немедленно ощутила, что жутко хочет есть и спать.

В половине шестого вечера её разбудил телефонный звонок. Тряся чугунной головой, Лёлька потянулась к аппарату и уронила стоящую на тумбочке тарелку с остатками пиццы. Проклиная все на свете, принялась соскребать пиццу с паласа, держа трубку у уха. Поэтому до неё не сразу дошло, что звонит Олег.

– Ты где? – поинтересовалась Лёлька, отлепив, наконец, пиццу и выпрямляясь.

– У мамы я, – раздраженно сообщил Олег. – Я тебе это уже в третий раз говорю. Лежу на диване с загипсованной ногой.

– А почему с загипсованной?

– Господи, да что с тобой? Говорю же – сломал. Утром в редакции спускался по лестнице, оступился и, как дурак, полетел вниз. Представляешь, какая досада, покалечился ни с того ни с сего. Теперь радую мамулю – ем кашу "Геркулес" и смотрю сериалы. Слушай, приезжай, а!

Лёлька задумалась. С одной стороны, Олега жаль, а с другой – Олегова мама Софья Павловна недолюбливала Лёльку. В родне Сагайдаченко все, как на подбор, были крупные, в теле. Мужики ростом под прилоку, плечистые и кудрявые. Бабы от них не отставали, дебелые, голосистые.

Впервые побывав на семейном торжестве в доме Софьи Павловны, Лёлька ощутила себя крайне мелкой и ничтожной. Да ещё, к тому же, почти вся родня немедленно начала интересоваться, почему это она такая чахлая. Не больная ли? Сидя за столом перед тарелкой с чудовищной горой салата "оливье" и здоровенным ломтем домашней буженины, Лёлька чувствовала себя тем самым работником, которого выбирают по принципу "хорошо ест – хорошо работает". Как назло, в этот день она не ездила к издателям, и порадовать окружающих зверским аппетитом не смогла. Вечером, глотая активированный уголь, она проклинала украинское хлебосольство. После этого Лёлька стала избегать торжественные мероприятия в семье Олега, что в свою очередь вызывало недоумение и обиду Софьи Павловны.

– А ты почему у мамы? Нужно было сразу домой ехать, – вздохнула Лёлька.

Выяснилось, что уходя накануне рано утром, Олег забыл взять ключи и документы из куртки. Когда ему в больнице наложили гипс, он кое-как доковылял до такси и приехал домой,

но Лёльки в квартире не было. Пришлось ехать к матери. А уж Софья Павловна, заполучив раненого сыночка, ни за что не соглашается его отдавать.

– Я была у Агнии. Представляешь, Вотю кто-то убил, а её арестовали. Ужасная ночь выдалась.

– Ты серьёзно? – опешил Олег. – Бедная Агния! И что там случилось?

Лёльке пришлось коротко изложить события. Олег чертыхнулся. Когда же он узнал, что Стариков отправил к Агнии своего адвоката, облегченно вздохнул.

– Ну, этот пройдоха вытащил бы из кутузки даже Чикатило. Так что не переживай, Агнию выпустят. А может быть, она уже дома.

– Тогда нужно срочно ей звонить! Ты уж там как-нибудь без меня потерпи. Привет Софье Павловне, – заторопилась Лёлька.

– Ладно, переживу, раз такое дело. Понимаю. Ну, пока. Целую!

– И я тебя целую.

Но телефон Агнии не отвечал. Интересно, где там всё-таки трубка валяется? Совершенно забыла отыскать её, уходя. Завалилась куда-нибудь, а Лёвке и дела нет. Нужно бы туда съездить... Хотя, если бы Агнию выпустили, она бы точно позвонила. Ладно, подождём немного.

Потягиваясь и позёвывая, Лёлька вышла на балкон. Внизу кипела жизнь. Радуюсь теплоте дню, во дворе носилась ребятня, мужики забивали козла на битом-перебитом столике, а на лавочках у подъездов чинно восседали бабульки, смакуя накопившиеся за зиму новости.

Лёлька любила свой двор. Было в нем нечто традиционное и стабильное. По утрам там выгуливали собачек, днем чинили машины, а к вечеру выбивали ковры. Так было, так есть и так будет, сколько бы поколений не сменилось. И квартиру свою Лёлька любила. В ней раньше жил Лёлькин дедушка, старый адмирал Туманов. Просоленный ветрами морской волк со всеми положенными атрибутами: здоровенной трубкой, табак для которой привозили исключительно из Лондона или английских колоний, барометром на стене и попугаем в клетке.

Дедушка умер восемь лет назад, но запах крепкого табака все ещё таился в мореном дереве огромных шкафов и обивке любимого дедушкиного кресла. Правда, попугай Румбо переехал вместе с клеткой на жительство к Лёлькиному брату Игорю. Вместо него Лёлька завела хитрющего кокер-спаниеля Лукаша. А всё остальное сохранила почти без изменений – крепкую кровать с резными спинками, темные восточные ковры на стенах, увешанных картинами с изображениями кораблей, штормов и морских сражений, барометр и старый корабельный фонарь, переделанный в бра. Только старый паркетный пол застелила темным зеленым паласом, да на огромный письменный стол водрузила компьютер. Мольберта у неё не было, здоровенный этюдник стоял у балконной двери.

Когда Олег впервые попал в её квартиру, он буквально лишился дара речи. Да и любой на его месте обалдел бы от того, что жилище легкомысленной рыжей свиристелки-художницы выглядело не ультрамодной берлогой или кокетливым будуаром, а мечтой мальчишки, начитавшегося романов Жюль Верна. Лёлька даже обиделась вначале, потому что Олег долго, практически не обращая внимания на её персону, бродил по квартире, разглядывая и чуть ли не обнюхивая всё, что там находилось. Глаза у него при этом были задумчиво-сумасшедшие.

Иногда Лёльке даже казалось, что живи она в обычном интерьере с традиционной стенкой и набором велюровой мягкой мебели, они бы с Олегом давно расстались. Почему-то современная мебель мало способствует сохранению свежести чувств. Вид любимого мужчины, сидящего, задрав колени в старых тренировочных брюках, с банкой пива в кресле около телевизора, не навеивает никаких романтических мыслей. А вот тот же мужчина, но облаченный в шелковый халат, тихо покачивается в кресле-качалке и задумчиво курит изогнутую трубку. Почувствовали разницу? Олег идеально вписался в обстановку и атмосферу квартиры, а заодно и в Лёлькину жизнь. И выписываться, похоже, не собирался.

Лёлька вернулась в комнату. Лукаш укоризненно поглядывая на неё, направился к входной двери, понуро уселся на коврик и вздохнул. "Позабыт-позаброшен, – всем видом показывал пёс. – А хочется, знаете ли, в туалет". Пришлось одеваться и вести его гулять.

Стоя около чахлого островка растительности, ежедневно обильно удобряемый окрестными собаками, Лёлька размышляла. Похоже, милиция всерьёз вцепилась в версию виновности Агнии в убийстве и ни за что не отцепится. А значит, искать другого убийцу они будут спустя рукава. А если, к тому же, на ноже не обнаружат ничьих, кроме Агнии, отпечатков, то даже самый лучший адвокат вряд ли поможет.

Лёльку мучило ощущение собственной беспомощности. А тут ещё Олег так не вовремя ногу сломал. Можно было использовать его хотя бы для того, чтобы разнюхал все про бывшую семейку и деловое окружение Воти. Кому ещё может быть выгодна смерть простого ничем не примечательного бизнесмена? Сатанистам? Конечно, рисунки прямо указывают на них, но уже само это настораживает. Сатанисты народ полоумный, так что для них торжественность ритуала должна быть важнее его результата.

Лёлька припомнила всё, что ей довелось читать об этой секте. Главное у них – черная месса. Они служат её у специальных алтарей с перевернутым крестом и жертвенником. Могут умертвить какое-нибудь черное животное, петуха там, или барана. Человека, в принципе, тоже могут. Но такие жертвы наверняка должны быть обставлены с максимальной помпой. А тут залезли в чужую квартиру, наспех намалевали символику в отхожем месте и без всяких подobaющих церемоний уколошили Вотю? Что-то уж очень скомкано. Профанация, а не обряд! И потом, в квартире был ещё Лева, что же они им-то не заинтересовались? Принести его в жертву было проще пареной репы.

Конечно, версию с сатанистами отбрасывать нельзя, но все-таки, похоже, кто-то просто пыль в глаза пускает. Пусть, мол, следствие трясет несчастных дьяволопоклонников, а я буду только похихикивать.

Повеселевший Лукаш, мотая коротким хвостом, ткнулся в Лёлькины колени. На улице уже смеркалось.

Вернувшись домой, Лёлька залезла в карман теплой куртки Олега и вытащила связку ключей и редакционное удостоверение. "Вот бы мне такое, проникла бы куда надо, и всё разнюхала!" – вздохнула она. Можно, конечно, использовать и это, но придется иногда показывать не только корочку, но и содержимое документа. А содержимое состояло из фотокарточки Олега и надписи: "корреспондент Сагайдаченко Олег Петрович". Сверху было ярко напечатано "Ежедневный вестник". Лёлька поразмыслила над увиденным и поняла, что изменить содержимое – раз плюнуть. Художник она или нет?

Через час в удостоверении красовалась Лёлькина фотография, валявшаяся в ящике стола со времени оформления загранпаспорта. Печать на фотографии не отличалась от оригинала, Лёлька просто нарисовала её шариковой ручкой на ластике и тиснула на снимок. Надпись теперь гласила: "корреспондент Сагайдаченко Ольга Петровна" – с помощью компьютера и цветного принтера очень легко напечатать нужные кусочки слов и прилепить на резиновый клей. Когда нужно будет, и фотография и бумажки легко отклеятся, не оставив и следа. Лёлька упаковала удостоверение опять в пластиковую обложку и осталась чрезвычайно довольной – подделка была совершенно не заметна.

Примчался озабоченный Боб, привез ключ от нового замка и пожаловался, что работать ему мешали разнообразные субъекты, слонявшиеся по квартире туда-сюда. Лева был дома, во всяком случае, оставался там, когда Боб уходил. А теперь ему, Бобу, нужно срочно ехать – его тещу разбил радикулит и он должен делать ей лечебный массаж. На этом драматическом пассаже приятель испарился.

На всякий случай Лёлька ещё раз набрала номер Агнии – безрезультатно. И что теперь? Сидеть и ждать милостей от судьбы? А Агнию будут изводить допросами и обвинениями?

Нужно попытаться добыть хоть какую-то информацию. Иначе милиция может опередить её в сборе компромата и тогда ситуация будет ещё хуже. Хотя куда уж хуже?

Сведений об окружении Воти у неё маловато – бывшая жена Зинаида, их дочь – "инфант террибл", ужасный ребёнок – и новый муж Зинаиды по фамилии Гогуа. От безысходности Лёлька разыскала в компьютерном телефонном справочнике адрес Гогуа. Их было целых два: А. К. Гогуа и А. В. Гогуа. Один жил на Прибрежном бульваре, второй на какой-то Комсомольской улице. Где эта улица находится – неизвестно, поэтому есть резон смотреть на Прибрежный бульвар.

Облачившись в узенькие джинсы и купую кожаную куртку, Лёлька критически уставилась на себя в зеркало. Чего-то явно не хватало. Нырнув шкаф, она отыскала миленькую косыночку – кусочек шелка, расписанный батиком. Повязанная на манер банданы, косынка дополнила облик новоявленного корреспондента О. П. Сагайдаченко. Ох, и влетит ей от Олега... Порепетировав нахально-заинтересованное выражение лица, Лёлька поехала к А. К. Гогуа.

Дом на Прибрежном бульваре выглядел вполне презентабельно – огромный дореволюционный особняк. Подъезд был один, на каждом из трех этажей по четыре двери. Двери различались радикально – часть была бронированно-дубовыми, над некоторыми даже торчали объективы видеонаблюдения. Остальные выглядели выходцами из пятидесятых годов – ободранные, украшенные десятком звонков, под которыми карандашом или чернилами были нацарапаны фамилии жильцов. Очевидно, часть коммуналок уже расселили предприимчивые богатеи, остальные ждали своей очереди. Квартыры тут после ремонта клоповников получались наверняка грандиозные, многокомнатные, с высоченными потолками. Квартира номер 10 была на третьем этаже и неожиданно оказалась коммуналкой. Странно.

Нажав на кнопку древнего медного звонка, под которым прямо на стене карандашом было криво написано "Гогуа", Лёлька ровным счетом ничего не услышала. Подождав ещё пару минут, позвонила опять. Через секунду в дверь что-то с силой ударило с другой стороны, словно в неё врезалось нечто тяжёлое и мягкое. На всякий случай Лёлька отошла подальше и стала ждать. Заскрежетала задвижка, дверь открылась, но никто не появился. Лёлька осторожно сунула голову внутрь.

Огромный коридор, заставленный сундуками и старыми шифоньерами, уходил в неведомую даль. Стены украшены оцинкованными корытами, пучками лыж, велосипедными колесами и покрытыми пылью и паутиной пейзажами с русалками и лебедями. На ближайшем сундуке возвышалось чудовищное гипсовое изваяние, изображающее битву медведя с диким кабаном. Оба зверя были выкрашены в коричневый цвет и одинаково облуплены. В глубине коридора угадывалось какое-то движение. Прищурившись, Лёлька разглядела в тусклом свете голой пятнадцативаттной лампочки маленького мальчика на велосипеде, ловко лавировавшего между предметами коммунальной мебелировки.

– Стой! – завопила Лёлька и помчалась за ребёнком.

Но тот уже успел развернуться и несясь теперь на неё.

Еле успев отскочить за древний комод, она с интересом пронаблюдала, как малец, слегка притормозив перед дверью, привычно врезался в неё, соскочил со старенького "Олимпиа", закрыл дверь на засов и снова вскочил в седло. Лёлька успела схватить его за шиворот, когда он опять устремился вглубь квартиры. Пацан возмущенно уставился на неё голубыми глазами в обрамлении совершенно белых ресниц.

– Гогуа здесь живут? – спросила у маленького хулигана Лёлька.

Тот молча ткнул в обитую драпом дерматином дверь и, подняв упавший велосипед, продолжил странную езду.

Лёлька постучала в косяк указанной двери, но никто не отозвался. Мальчишка, проносясь в очередной раз мимо неё, крикнул:

– Бабка глухая, ничего не слышит! Заходи так, там всегда открыто – помереть боится!

Осторожно открыв дверь, Лёлька увидела огромную комнату с лепниной на потолке и мутным от грязи арочным окном. В центре, за круглым столом, покрытым вязаной скатертью, сидела древняя старуха и раскладывала пасьянс. На старухе был синий лыжный костюм и пуховая шаль. Лёлке пришлось подойти вплотную к столу, прежде чем хозяйка обратила на неё внимание. Бесцветные глазки равнодушно скользнули по гостье взглядом. Бабка сделала приглашающий жест, указывая на ветхий стул. Лёлька уселась, а старуха снова погрузилась в пасьянс. Пришлось ждать, пока она закончит расклад.

Потом бабулька довольно резво поднялась, достала из серванта слуховой аппарат и, нацепив его, вернулась к столу.

– Здравствуйте. Я ищу Акакия Гогуа, – начала Лёлька.

– Како? Этого проходимца? – безо всякого грузинского акцента возмутилась старуха. – А ко мне зачем пожаловали?

– В телефонной книге только два человека с такой фамилией... – растолковывала Лёлька.

– Холера его разбери! – разозлилась бабка. – Знать ничего не хочу про этого разбойника. Фамилию опозорил! Гогуа всегда уважаемыми людьми были, а этот, словно не из нашего гнезда.

Старуха пустилась в сварливые воспоминания. Выходило, что Акакий приходится ей внучатым племянником, сыном Валико Гогуа. Валико, племянник покойного бабкиного мужа, с семьёй жил в Грузии, а Акакия привезли сюда к ним, чтобы выучился в технологическом институте и стал уважаемым человеком, вах! Был Како тощим и некрасивым, успехов в учебе не достиг, институт бросил. Так и уехал бы обратно в Зугдиди, но связался с компанией местных охламонов, стал качать мышцы, побрил голову и превратился в натурального бандита. Сидел в тюрьме два раза. Один – за грабеж, второй – за нанесение телесных повреждений. Позор семьи! Валико отрекся от такого сына, на порог не пускает. Анна Константиновна тоже старается с Акакием не встречаться, хотя тот регулярно приезжает поздравлять её с днем рождения и Восьмым Марта. Но бабка притворяется совсем глухой, и разговаривать с ним отказывается.

Старуха ничего не знала о семье Како, слышала только, что женился. И зачем девушке, какой бы она не была, понадобился этот выродок?

Лёлька туманно объяснила, что её дядя, живущий в другом городе, просил разыскать Акакия, друга юности.

– Эх, скажи дяде, что умер Акакий. Нет того, прежнего Како. Все равно, что умер.

Распрощавшись с продолжающей ругать на все лады непутёвого родственника бабкой, Лёлька отправилась домой, рассудив, что визит на Комсомольскую улицу лучше отложить до утра.

Открывая дверь в квартиру, она услышала, что звонит телефон, и судорожно задергала ключом в замке, боясь, что не успеет снять трубку. Наверняка звонит Агния. Чуть не сломав ногти, она отперла дверь и, едва не растоптав Лукаша, ринулась к аппарату. Но звонила не Агния. Незнакомый мужской голос сообщил, что его зовут Кириллом Евгеньевичем Фоминым, и он является адвокатом госпожи Сташевской.

– Где Агния? – выдохнула Лёлька, пытаясь снять с головы чертову бандану, в узел которой вплелась прядка волос.

– К сожалению, пока в следственном изоляторе. Ситуация складывается не очень благоприятно. Я веду переговоры об освобождении под залог, но судья отдыхает, как и все. Может быть, только послезавтра, если удастся договориться.

– Черт! – выругалась Лёлька, отдирая бандану вместе с клоком волос. – Оставьте мне ваш телефон, чтобы я могла узнать, как дела.

– Хорошо. – Адвокат продиктовал номер своего мобильного. – И вот ещё что. Я разговаривал с Агнией Львовной. Она просила, чтобы вы кормили кота и присматривали за её братом. Я так понял, что указанный юноша – существо беспомощное и нуждающееся в постоянной опеке...

– Да уж, – вздохнула Лёлька. – Хорошо бы этому юноше мозги дихлофосом сбрызнуть, чтобы тараканов там поменьше было. Ладно, передайте Агнии, что все будет хорошо. Присмотрю я за Левой и котом.

После такого разговора выбора у Лёльки не было, пришлось ехать опять к Агнии, тем более, что телефон в её квартире по-прежнему не отвечал. Проклиная всё на свете, она вела машину по мирно пьянствующему городу. Из окон раздавались хоровые песни и громкий хохот. Редкие прохожие двигались замысловатыми зигзагами. Народ с удовольствием праздновал день солидарности всех трудящихся.

Лёлька долго звонила в дверь, почему-то запертую на защёлку так, что открыть замок снаружи было невозможно. Ей отворил странноватый босой тип в длинной шелковой рубашке с рюшами на манжетах и груди. Ноги мужчины обтягивали дамские лосины в голубой цветочек. При виде Лёльки, он молча отвесил ей низкий поклон, посторонился, захлопнул дверь и, старательно обходя вдоль стенки нарисованный мелом на полу силуэт, исчез в ванной. Лёлька заглянула на кухню, но кроме кота и удава, коротающих вечер у батареи, никого не обнаружила. Зато в приемной в креслах валялись две барышни. Барышни не удивились появлению Лёльки, они курили папиросы через длинные мундштуки и пили из высоких стаканов мутноватые коктейли. В салоне, слава богу, никого не было, только исчез со стола хрустальный шар.

Из-за двери Левиной комнаты слышался гул голосов. Лёлька постучала и услышала в ответ: "Вползай!"

Восемь или девять человек, расположившиеся в разных точках помещения, в основном на полу, потому что кроме кровати и двух стульев, сидеть было не на чем, тоже на свой лад отмечали праздник. Причем, интересы у них были самые разные: Лева и ещё парочка ушастых и прыщавых недорослей прилипли к экрану дисплея и наслаждались просмотром порносайта. Другая группка активно глушила водку из огромной двухлитровой бутылки в виде женского торса. Поперек торса шла этикетка с надписью "Любимая". Ещё трое мило покуривали козы ножки, скрученные, похоже, совсем не из табака. Один гость развлекался тем, что ваял из кома жвачки уменьшенную копию вышеописанной бутылки. В качестве постамента для своего творения он использовал хрустальный шар, притащенный из "салона".

Лёлька, словно демон возмездия, ворвалась в помещение. Лева озадаченно уставился на неё, пытаясь сообразить, кто она такая. Понимая, что обычные в таких случаях резоны на расслабленную публику не действуют, Лёлька встала посреди комнаты в позу скульптуры "Ленин – вождь мирового пролетариата" и рывкнула:

– Вы что, сдурели? Сюда менты едут, обыск делать, а вы развлекаетесь? Ну-ка, быстро все на выход! И чтобы ноги вашей тут больше не было!

– Это почему это? – попытался вступить в пререкания рыжий коротышка с редкой козлиной бороденкой.

– А потому. Засада здесь будет. Причем, постоянная. Кто войдет, сразу заметут, – отрезала Лёлька.

Народ, почесываясь и пожимая плечами, довольно шустро потянулся на выход. Через десять минут Лёлька осталась вдвоём с недоумевающим Левой. Он пытался сообразить, кто из покинувших его гостей был владельцем пары оставленных посередине комнаты грязных штиблет сорок пятого размера. Так ничего и не решив, братец отнес ботинки в прихожую. Лёлька притащила пылесос и принялась наводить в задымленной комнате порядок. Почистив ковер, она решила вытереть пыль и отправилась в ванную за тряпкой. В ванне, заполненной

розовой пеной, нежился тот самый тип, что впустил её в квартиру. Мокрые лосины и шелковая рубашка сохли на верёвке. Лёлька пожала плечами и осведомилась:

– Вы кто такой?

– Мишель Ремизов. Служитель Мельпомены. Не хотите присоединиться? – он гостеприимно указал ей место в ванне рядом с собой.

– Да нет, вы уж как-нибудь тут сами, – фыркнула Лёлька, хватая тряпку и испытывая непреодолимое желание, шлепнуть ею нахала по розовой морде.

– Вот так всегда, – философски заметил тот, погружаясь в пену с головой, и продолжил, выныривая: – Нет в этом мире понимания между людьми!

Вытерев пыль и табачный пепел в Левиной комнате, Лёлька понесла тряпку на кухню, не рискуя возобновить общение с моющимся в ванной Мишелем. На кухне горько плакали девицы из салона, похожие как близнецы. Уливаясь пьяными слезами, одна из них всё время повторяла:

– Ну, козёл! Какой же он козёл!

– Параноик! Шизофреник! – вторила ей другая.

Лёлька решила, что речь идёт, несомненно, о Лёве. Но видимо имелся в виду кто-то другой, потому что вошедшему вслед за ней братцу Агнии обе девицы кинулись на грудь и принялись хором жаловаться на какого-то Бубу. Лева оторвал их от себя, удивленно осмотрел, словно видел впервые, вытер одной из них нос кухонным полотенцем и озабоченно поинтересовался:

– Кто такой Буба?

– Козёл! – шмыгнула носом девица.

– Шизик, идиот! – подхватила вторая и зарыдала в полотенце.

– Ладно, хватит! – Не выдержала Лёлька. – Собирайтесь, девушки домой! Сейчас здесь будет много-много милиционеров. Все уже ушли, и вам пора.

– А Буба? – сразу перестала рыдать девица.

– И Буба ушел, но если вы поспешите, то догоните его, – порекомендовала вконец потерявшая терпение Лёлька.

Девицы вняли совету и моментально испарились. Только полотенце, украшенное разводами черной туши и лиловых теней, осталось сиротливо лежать на кухонном столе.

– Кто это был? – поинтересовался Лева.

– Как кто? Твои гости! – рявкнула Лёлька и принялась ожесточенно стирать полотенце в мойке, обильно поливая его средством для мытья посуды.

– Мои? – изумился дефективный братец. – Нет, они, вроде, к Лулу пришли. А где Лулу? Где моя таинственная звездная Лулу?

– Где твоя шутиха? Ты у меня спрашиваешь? – от возмущения Лёлька шлепнула полотенце в мойку и грозно уставилась на Леву.

В этот момент что-то с грохотом рухнуло в коридоре, и раздался короткий вопль. Выбежав из кухни, Лёлька обнаружила около двери ванной Мишеля, распластавшегося на полу, словно морская звезда. Очевидно, его босые мокрые ноги поскользнулись на линолеуме. Пытаясь встать, он ухватился за косяк, но рука, покрытая пеной, соскользнула, и он опять шмякнулся навзничь. Если учесть, что на Мишеле, кроме банного полотенца, обернутого вокруг бедер, ничего не было, зрелище было весьма живописным.

– Мишель! – завопил из-за плеча Лёльки Лева так, что она от неожиданности шарахнулась в сторону. – Что с тобой, Мишель?

– Ничего страшного. Видишь, упал. Скользко у вас тут, – печально отозвался поверженный служитель Мельпомены.

Лева бросился к Мишелю и принялся ставить его на ноги. Лёлька сердито плюнула и, вернувшись в комнату братца, забрала оттуда оскверненный хрустальный шар. На ходу отдирая от него куски жвачки, она потащила шар в салон. Около ванной никого уже не было, только

лужица мыльной воды и следы босых ног напоминали о недавнем трагическом событии. Голоса и звяканье посуды слышалось из кухни. Очевидно, Лева отпаивал Мишеля чаем.

Поставив шар на место, точнехонько на середину стола, Лёлька полюбовалась переливами опаловой голубизны внутри него. Там словно клубилась мельчайшая светящаяся пыльца. Лёлька присела на тяжелый резной стул и задумалась. Поручение Агнии присматривать за братцем было явно невыполнимым – Лева мог в любой момент выкинуть что угодно. Да и друзья у него были, мягко говоря, специфическими. Напьются, обкуряются и квартиру сожгут. Сидеть сиднем при Левае она просто не имела возможности – завтра с утра нужно постараться проникнуть в дом бывшей Вотиной жены и познакомиться с Акакием Гогуа. Ну и что делать?

И тут Лёльку осенило: Баська! Конечно, Баська! Как она раньше не сообразила?! Баська была соседкой и хорошей приятельницей Агнии. Кроме Лёльки, только она знала тайну двух совмещающихся квартир и, вообще, была в курсе всех дел Агнии. Баська отродясь нигде не работала и надзор за Леваой и его гостями ей вполне по силам.

Недолго думая, Лёлька прихватила из тумбочки запасные ключи от квартиры и постучала в соседнюю дверь. Её открыл Васька, муж Баськи. Имена супругов были как на подбор: Василий и Василиса, и первое время после свадьбы царила страшная путаница, так как оба откликались на имя Васька. Поэтому супруга решила на польский манер стать Баськой. Странно, но это весьма своеобразно действовало на мужчин – они при малейшей возможности целовали Баське ручку и даже обращались к ней: "пани Бася". Рехнуться можно!

– Привет! Баська дома? – спросила Лёлька.

– Дома. Кота моет, – обрадовался Васька Лёлькиному приходу. – Оторви ты, ради бога, её от этого занятия. Я хочу принять душ и уже полтора часа жду, когда ванная освободится.

Мытьё кота Миляя, огромного белого перса, было любимым занятием Баськи. Она покупала в зоомагазине всевозможные шампуни и ополаскиватели, подсинивала роскошную кошачью шубку, сушила феном, расчесывала и украшала бантиками и заколками. На следующий день всё начиналось сызнова. Миляй привык к ежедневным омовениям и не сопротивлялся, даже научился получать удовольствие.

Васька подбежал к двери ванной и заорал:

– Басенька! Басюля, к тебе пришли!

– Кто пришел? – заорала в ответ Баська.

– Лёля Туманова, – ответил Васька и вздохнул: – Сейчас заставит сушить кота. Нет, пора нам ребёнка заводить, уж лучше пусть она младенца купает, а не кота этого избалованного.

Дверь, наконец, распахнулась и на пороге появилась Баська в шикарном атласном халате.

– Привет! – обрадовалась она Лёльке и, втащив Ваську внутрь ванной, сунула ему в руки здоровенный фен. Царским жестом указав на сидящего на стиральной машине Миляя, замotanного в махровое полотенце, приказала:

– Суши!

Васька страдальчески закатил глаза и покорно включил фен. Баська потащила Лёльку в гостиную и, налив в крошечные серебряные рюмочки сливочный ликер, плюхнулась на диван.

– Ну, рассказывай!

– Да что рассказывать? – отхлебнула Лёлька ликер. – Сама, небось, всё знаешь. Вотя в морге, Агния в тюрьме. Просила за Левкой присмотреть. Я там только что целый шалман разогнала – пьют, наркоту курят, девки какие-то странные. Мозги у всех на компьютере повернутые, сами не знают, где явь, а где интернет. Тебя ведь первой коснётся, если они там чего отчебучат.

Баська озабоченно оглядела любовно обставленную и выдраенную до блеска комнату. Не нужно иметь много воображения, чтобы представить, что могут натворить оставленные без присмотра типы, подобные Лёве, да ещё с дружками. Взрыв, пожар, наводнение, да что угодно!

И плакали тогда богемская люстра, кремовые с белым ковры и настоящий, просвечивающий насквозь, тончайший фарфор. Васька, в данный момент осушающий в ванной кота, трудился в солидном банке и содержал семью на высоком уровне. Баська содрогнулась и потянулась за бутылкой с ликером.

– Сама понимаешь, – продолжала вдумчиво Лёлька, – я не могу тут целыми днями ошиваться, да и мысли есть, как Агнии помочь. Хочу кое-что разузнать про Вотино окружение. Ну не могла Агния его убить! Хоть стреляй, не поверю в это!

– Конечно, не могла. Кто спорит, – отозвалась Баська и задумалась. – К нам тоже приходили, спрашивали, не видели ли чего подозрительного, не слышали ли. Я сказала, что ничего не такого не было. А теперь всё думаю, что тот мужик, может, и не к Петрову с четвертого этажа приходил...

Лёлька напряглась. А ведь и правда, если кто и мог что-то заметить, так это Баська, ближайшая соседка Агнии. Как она раньше не сообразила – вот что значит отсутствие опыта в расследованиях преступлений!

– Что за мужик? – быстро спросила она.

– Да какой-то пугливый. Я вчера часов в восемь вечера пошла мусор в мусоропровод бросить, а он на площадке топчется. Увидел меня и сразу по лестнице вверх пошел. "Ищу, – говорит, – сорок вторую квартиру", а сам быстренько так поскакал, я лицо толком и не рассмотрела. Видела пальто длинное, кашемировое, и штiblеты тоже ничего, не дешевые. – Баська прикрыла веки, припоминая внешность незнакомца. – А в сорок второй Петров живет, пьянчуга известный. Откуда бы ему взять таких знакомых? Но я это потом сообразила, когда милиция уже ушла. А может, и правда к Петрову поднимался? Вдруг тот квартиру решил продать? То-то счастье будет... Достал, паразит, своими гулянками!

– погоди-ка, а ты к Петрову не ходила? Ну, не спрашивала у него насчет этого мужика? – перебила её Лёлька.

– Нет, как-то в голову не пришло, – рассеянно ответила Баська, изящным жестом поправляя русые волосы, уложенные в безукоризненную прическу.

– Тогда я мигом!

Лёлька пулей взлетела на четвертый этаж и нажала кнопку звонка на фанерной двери с кривыми цифрами "42". Никакой реакции. Звонок, очевидно, давно не работал. Тогда она заколотила в дверь кулаком, и после пятого примерно удара она распахнулась. В проёме, покачиваясь, стоял здоровенный мужик. Физиономия мужика, круглая, как каравай, была частично багрового, а частично синего цвета. Одного глаза не было видно вовсе, второй злобно уставился на Лёльку.

– И чего тарабанишь? – выверился мужик. – Спать мешаю? Так не спи, когда весь российский народ бодрствует!

– А я и не сплю! – отрезала Лёлька. – И не собираюсь, можешь жить спокойно! Только скажи, к тебе вчера гость приходил? В длинном пальто?

Единственный видимый глаз мужика сразу подобрел, а губы выгнулись озадаченной подковкой. Он глубоко задумался, потом забормотал:

– Ванёк... Так, Ванёк в телеге приходил. Витёк – в куртяге. А Вован вообще в одной рубашке. – Потом радостно улыбнулся и объявил: – Нет, никого в пальте не было! Да и откуда у простых мужиков пальта?

– Всё понятно! – обрадовалась Лёлька и добавила: – И милиции это же скажешь, когда спросят. Понял?

– Не понял! – смутился мужик и, разинув рот, проводил растерянным глазом понесшуюся вниз Лёльку.

С полпролета она обернулась и спросила:

– А квартиру ты, случайно, не продаешь? Может покупатель приходил? Или маклер какой?

– Нет, в пальте точно никто не приходил. И квартиру я не продаю. Мне и тут хорошо! – гаркнул синюшный Петров и захлопнул дверь. Потом снова открыл и добавил: – И евреев-шмаклеров не люблю!

Вернувшись к Баське, устроившейся с ногами на диване и пребывавшей в меланхолии, Лёлька с ходу сообщила, что гости, подобные описанному ею, к пьянице вчера не приходили.

– Вот и я всё думаю, наверняка этот тип связан с убийством. Вёл себя странно, – пробормотала та.

– А больше ты ничего такого не заметила?

– Говорю же, нет, сплю крепко. Васька вчера в десять уже дома был, мы кота помыли и легли. Разбудили нас чуть свет эти менты. А я, если рано встаю, ничего не соображаю, – зевнула Баська.

Тут в комнату вошел, держа на руках высушенного кота, Баськин супруг. Сунув апатичное животное хозяйке, он попытался улизнуть в ванную, но был остановлен дотошной Лёлькой.

– А ты, случайно, ничего ночью у соседей не слышал? Ну, необычные звуки, стук, разговоры?

– Знаешь, вроде было что-то такое. Ночью, поздно. Плакал кто-то, выл, потом визжал и ругался. Но у нас в праздники пролетарии и не такое вытворяют. – Васька попытался налить и себе ликера, но получил от жены по рукам и полез в бар за коньком.

Лёлька устало махнула рукой. Выли, визжали и ругались у Агнии уже после убийства. Она допила свою рюмку и распрощалась с супругами. Баська взяла у неё ключи и пообещала кормить Воланда и контролировать Леву. На неё можно было надеяться, безопасность собственного жилья её волновала чрезвычайно, а значит, братец будет под жестким надзором.

Выйдя на площадку, Лёлька сообразила, что забыла в квартире Агнии сумку. Пришлось возвращаться, тем более что дверь она оставила незапертой, и её никто так и не удосужился закрыть на замок.

В квартире царила тишина. Лёлке ужасно хотелось в туалет, и она тихонько прошла по коридору. Включив свет, она открыла нужную дверь и замерла. За прошедшее с утра время рисунки на стенах претерпели изменение. Кто-то синим и черным маркерами дополнил роспись – нарисовал Антихристу пышные усы, в центре звезд изобразил серп и молот, а перевернутые распятия превратил в клетки для игры в "крестики-нолики", причем уже заполненные. В таком виде дьявольская символика утратила жутковатый смысл и выглядела, как обычное настенное хулиганство. Недоставало только традиционных "Спартак" – чемпион и "Танька – дура".

Лёлька всё-таки посетила туалет и после этого немедленно ринулась к Лева. Тот сидел, клюя носом, за компьютером. Мишель спал в его постели, укрывшись одеялом почти с головой, виднелся только один глаз и ухо, украшенное двумя серебряными сережками.

Ухватив Леву за плечо, Лёлька вытащила его в коридор и сунула в раскрытую дверь туалета.

– Кто это сделал?

– Откуда мне знать? – разозлился Лева. – Утром уже так было. Я ещё удивился, подумал, Анька хочет на посетителей впечатление произвести. И милиция меня потом спрашивала.

– Нет, дорогой, утром рисунки по-другому выглядели! Только красные были. А теперь, видишь, кто-то черным постарался, и синим. Кто это из твоих гостей развлекался? У кого маркеры были? Вспоминай! – трясла его Лёлька за шиворот.

Но Лева только изумленно хлопал глазами и пожимал плечами. Чем развлекались гости и сколько их вообще присутствовало, ему было неведомо. Лёлька плюнула на бестолкового

брatца и ушла, захлопнув за собой дверь квартиры. Она и сама не понимала, почему её так заинтриговали дополнения к рисункам. Ведь наверняка – один из идиотов развлекался.

ГЛАВА 4

Около своего подъезда Лёлька обнаружила припаркованную синюю "Тойоту" и пришла в уныние. Машина принадлежала её брату Игорю. И означать это могло только одно – Игорь с семьёй нагрянул к ней в гости. У Лёльки окончательно испортилось настроение. Жену Игоря Ванду она и в хорошем расположении духа выносила с трудом. А уж сегодня...

Но делать нечего, наверняка гости расположились у неё, ведь у Игоря были ключи от её жилища.

Дома, и правда, веселье было в разгаре. Мало того, что приехали Игорь с Вандой и трёхлетними сыновьями, так они ещё притащили с собой друга семьи Костю Мочалина. Костя давно и упорно подбивал клинья под Лёльку, чем страшно её раздражал. Ситуация подогревалась Игорем, который внушал Косте, что его сестра не отличается постоянством, а посему вот-вот турнет своего журналогу. И тогда-то Косте нужно успеть оказаться рядом. Но Лёлька не желала оправдывать их надежд и продолжала мирно уживаться с Олегом.

Компания расположилась вокруг стола, на котором красовались бутылки и снедь, разложенная по бабушкиным севрским тарелкам. Мужики пили и ели. Ванда, вечно сидящая на диете, потягивала легкий коктейль и смотрела телевизор, близнецы носились по квартире и палили друг в друга из пластиковых пистолетов. Увидев вошедшую Лёльку, Костя бросился к ней и помог снять куртку.

– А где Олег? – вместо приветствия поинтересовался Игорь.

– У матери. Утром ногу сломал, ходить не может, – буркнула Лёлька.

Игорь многозначительно подмигнул Косте.

Лёлька уселась за стол, наложила себе полную тарелку салата и ветчины и принялась стремительно поглощать еду. Игорь, наблюдая, как она выпивает вторую рюмку водки, поинтересовался:

– У тебя что-то случилось? Хмурая какая-то и усталая. Водку пьёшь, что для тебя не характерно.

– Пойдем, покурим на кухне, – предложила Лёлька, и Игорь снова незаметно подмигнул Косте. Вот идиоты, считают, что можно пить водку и быть хмурой только из-за мужика.

На кухне царил беспорядок. На столе громоздилась куча упаковок из-под еды, пустые консервные банки, шкурки бананов. Дома у Игоря и Ванды в поте лица трудилась домработница, а здесь убрать было некому. Лёлька пошвыряла мусор в ведро, вытерла стол и достала пепельницу.

– Ты что, поссорилась с Олегом? – с лицемерным сочувствием поинтересовался брат.

Лёлька мрачно глянула на него и выложила всё. Лицо Игоря вытянулось. Агнию он знал буквально с пелёнок и симпатизировал ей. Одно время Лёлька даже мечтала, как хорошо было бы женить его на Агнии. Но тут подвернулась ослепительная Ванда, манекенщица и фотомодел, и братец рухнул к её полутораметровым ногам. То, что к этим ногам прилагается не слишком много мозгов, он сообразил гораздо позднее, когда в паспорте уже стоял штамп о браке.

Рождение сыновей в какой-то мере примирило его с мизерным интеллектом супруги, ведь она рискнула своей фигурой и карьерой во имя продолжения его, Игоря, рода. Правда, имена детям она придумала странноватые – Арнольд и Сильвестр. Понятно, в честь обожаемых голливудских звёзд. Да и детьми больше занимались бабушки и няньки, чем родная мать, не вылезавшая после родов из тренажерных залов и массажных кабинетов. Но результат оказался налицо – Ванда не только не стала хуже выглядеть, наоборот, она сделалась более томной и пластичной. А вот ума не прибавилось ни грамма.

– Так что сам, понимаешь, Гошик, на общение у меня просто сил нет. Будь человеком, увези компанию...

– Ладно, сейчас отчалим. Все равно Арни и Слаю уже спать пора, – вздохнул Игорь.

– погоди, я им железную дорогу купила, – спохватилась Лёлька. – Сейчас принесу.

– Да постой ты, – остановил её брат и почесал затылок. – Я их ночью видел в "Мартинике".

– Кого? – ошарашенная Лёлька, думавшая в этот момент о близнецах.

– Агнию и этого её друга. Только Ванде об этом не говори, ты же знаешь, она терпеть не может, когда я без неё по значным местам шляюсь. У неё были ночные съемки, а Марик как раз пригласил меня на новую программу...

Лёлька страшно удивилась. Обычно Игорь, если Ванды не было дома, старался поработать всласть. Он был архитектором и мастерскую оборудовал в одной из комнат их обширной квартиры. Но жена постоянно его отвлекала, находя для этого массу поводов, поэтому Игорь использовал малейшую возможность посозидать хоть немного в одиночестве.

– И как они там себя вели? – поинтересовалась она.

– Да как все. Пили, ели, пляски смотрели, – задумался Игорь. – Потом к этому хмырю, ну к Анькиному хахалю, подрулила одна из девиц с аппетитной попкой. И Агния довольно быстро его оттуда уволокла. Наверное, сомневалась в его моральной устойчивости. И всё, больше я их не видел.

– Тоже, небось, на какую-нибудь попку засмотрелся, – проворчала Лёлька.

– Конечно, – легко согласился Игорь. – Что я, не мужик? Между прочим, там половина города была.

– Так уж и половина?

– Ну, во всяком случае, твой Олежек тоже там был и не скучал. Пришел с приятелями и ушел, правда, без бабца, насколько я видел. Но в результате – лежит со сломанной ногой. Допрыгался! – злорадно констатировал любящий брат.

– Ладно, борец за нравственность, – обозлилась Лёлька: – забирай свою дражайшую половину и мотай домой. И Костика не забудь! Внуши ему, наконец, что ничего ему здесь не обломиться.

– Кто знает, кто знает...

С этими словами Игорь увернулся от запущенного в него кухонного полотенца и выскочил за дверь.

Когда гости, наконец, распрощались, у Лёльки хватило сил только на то, чтобы помыть посуду и расстелить постель. Никакие сны ей не приснились. Просто утро наступило как будто сразу после того, как она закрыла глаза. А открыв их, она немедленно вскочила и стала собираться.

Комсомольская улица оказалась на самом краю города, и застроена она была особняками-уродцами. Кто такие строения мог запроектировать, а, главное, ещё и захотел построить, всегда оставалось для Лёльки загадкой. Ведь сейчас можно выбрать в каталогах отличный проект, какой душе угодно! Можно нанять архитектора и он сделает дом-конфетку, изящный и уютный. Нет же, наши богачи считают, что достаточно воплотить свои убогие фантазии в горе кирпича – и соседи лопнут от зависти. И множатся каменные сундуки, дома-комоды, украшенные странными башенками, с железными гаражными воротами на главном фасаде. Да ещё и огороженные здоровенными кирпичными заборами высотой в три метра, со штырями по верху. Бр-р-р!

Оставив машину в самом начале улицы, Лёлька, не спеша, пошла вдоль оград.

Отыскав нужный дом, она содрогнулась – даже в сравнении с соседними он выглядел ужасно. Трехэтажный, крытый синей металлочерепицей, с вычурным балконом и разными по очертаниям и размерам окнами, расположенными как попало, особняк походил на толстого

нахала, облачившегося в смокинг, спортивные штаны и тубетейку. Ни за какие блага она не стала бы жить в таком кошмаре. А ведь владелец кирпичного монстра явно гордился им – вон какие бронзовые ручки на дверях, перед домом ухоженные цветнички и дорожки из фигурной плитки. Даже скульптура торчит из газона – писающий мальчик. Полный отстой!

В тот момент, когда Лёлька разглядывала дом, из его дверей вышла девочка. Она была одета в славненькое сиреневое платьице и белые туфельки с пряжками. Русые волосы, тщательно уложенные красивыми локонами, свисали ниже плеч. Образцовый ребенок, потупив глазки, прогулялся по дорожке, пнул гревшегося на солнышке рыжего кота, потом извлек из кармашка ножницы и аккуратно состриг только что расцветшие тюльпаны. Головки цветов этим ангелом-вредителем были немедленно и безжалостно растоптаны.

Лёлька во все глаза смотрела на то, как развлекается дитя. Следующим номером программы стал уже настоящий террористический акт – оглядываясь по сторонам, девочка ловко пролезла на соседний участок, протиснувшись между прутьями решетки. Там стоял сияющий свежевывмытыми боками "мерседес". Маленькая мерзавка нырнула под автомобиль и вылезла через пару минут, сжимая что-то в кулаке. Что она могла свинтить с машины и, главное, чем? Отряхнув коленки, девчонка вернулась тем же путём обратно к своему дому и продолжила чинно прогуливаться по дорожке.

Из дома появился ещё один персонаж – длинномордый юноша с блеклыми глазами цвета увядающих незабудок. Юноша потрепал девочку по голове и скрылся в гараже. Через пару минут одновременно открылись ворота в ограде и ворота гаража. Оттуда выехала спортивная машина ярко-лимонного цвета и умчалась по улице. Ворота так же одновременно автоматически закрылись. Гадкий ребёнок радостно хихикнул и запрыгал по плиткам на одной ножке. Не иначе девчонка успела что-нибудь свинтить и с этой машины!

Лёлька так увлеклась наблюдением, что не заметила, как с другой стороны улицы появился черный "кадиллак". А когда заметила, было уже поздно – автомобиль остановился у неё за спиной и оттуда вылез невысокий, но крепко накачанный мужик с отливающим чернотой бритым черепом и какими-то жеванными огромными ушами.

– Ва-а-ай, – протянул Акакий Гогуа, а в том, что это именно он, Лёлька не сомневалась. – И чёго тебэ тут понадобилось, дэвушка?

У Лёльки душа ушла в пятки – выражение лица Акакия было таким, словно он готов немедленно выпустить ей кишки. Но тут из калитки выскочила маленькая хулиганка и с радостным визгом бросилась бандиту на шею. Понимая, что с повисшим на нем ребёнком, Акакию будет затруднительно извлекать из неё внутренности, Лёлька слегка перевела дух и попыталась исчезнуть. Но позади неё материализовались двое амбалов, которые ни слова не говоря, схватили её за локти и удержали на месте.

Акакий тем временем ласково сюсюкал с девчонкой. Из карманов и машины он доставал пакетики и коробочки и совал ей в руки. Ребёнок радостно верещал и потрошил подарки. Лёлька и амбалы молча ждали. Наконец девочка с охапкой сладостей и игрушек припустила в дом, а бандит, сняв с физиономии ласковое выражение, опять вызверился на бедную "дэвушка". Но передышка пошла той на пользу, она успела прийти в себя и набраться наглости.

– Какой у вас красивый дом, просто картинка! И дочка прелестная, – зачирикала она. – Мне в нашей газете поручили написать статью о современной архитектуре, вот я и хожу, приглядываюсь к новым постройкам. А тут как раз вы подъехали, вот удача!

– Чэ-э-эго? – не понял Акакий, но на всякий случай убрал с морды некоторую часть свирепости.

Потом почесал в затылке, очевидно соображая, чем может обернуться появление представительницы прессы у его ворот. Похоже, окончательных выводов он не сделал, потому что вопросительно уставился на Лёльку. Та поняла, что нужно ковать железо, пока горячо.

– Я выбираю, какие дома нужно сфотографировать, чтобы поместить снимки в газете. Вот моё удостоверение! – с этими словами она вырвала руку у одного из растерявшихся амбалов, достала свою подделку и потрясла ею перед носом Акакия. – А если у входа будет стоять счастливое семейство владельца – ещё лучше! И подпись можно сделать такую: "Вот как теперь живут наши горожане!" – Тут она замолчала, сама поразившись сказанному идиотизму.

Но бандиту её слова явно понравились, он радостно заулыбался, ухватил Лёльку под ручку и потащил к дому. Заведя её внутрь, он нежнейшим голосом пропел:

– Дорогая! Смотри, кого я к нам привел! Настоящая журналистка, хочет написать о нашем доме статью и фотографию сделать.

На этот призыв из глубины огромного холла, уставленного пластмассовыми растениями, бронзовыми торшерами и напольными вазами из перламутровой керамики появилась Зинаида. Лёлька сразу поняла, что верховодит в семье именно она. Дама была выше среднего роста, ширококостная, но подтянутая. На ней, как влитой, сидел дорожный брючный костюм фиштаксового цвета. Копна платиновых волос была зачесана с изысканной небрежностью, сразу видно, что с утра над ней потрудился парикмахер. Макияж тоже был безукоризненным. Не иначе, хозяйка имела придворного визажиста.

Дама взглядом гюрзы уставилась на Лёльку. Откуда-то выскочила вредоносная девчонка, мимоходом прилепила жвачку на нос стоящего в углу деревянного негртенка с опахалом и тоже вытаращилась на Лёльку. Акакий расцвел в улыбке и засюсюкал:

– Это моя супруга, Зинаида Павловна и дочурка Катенька, розовый бутончик. А это.... – он замялся.

– Ольга Петровна Сагайдаченко, – представилась Лёлька. – Корреспондент газеты "Ежедневный вестник".

– А что же корреспонденты и в праздники работают? – ехидно поинтересовалась Зинаида.

– Да мы всегда работаем, материал собираем. Вот я и решила в выходные прогуляться, а заодно выбрать дома покрасивее, чтобы потом из редакции фотографа прислать, – затараторила Лёлька, понимая, что Зинаиду так просто не проведёшь. Она явно запомнила названное Лёлькой имя, чтобы проверить, есть ли в газете корреспондент Сагайдаченко. И хорошо, если только фамилию спросит...

А простодушный бандит тем временем уже в глубине дома отдавал кому-то распоряжения. Вскоре Лёльку пригласили в столовую, где был накрыт стол не то для раннего обеда не то для позднего завтрака. Акакий, очевидно, проголодавшийся в дороге, налег на закуски, а Лёлька и Зинаида только слегка прикоснулись к еде. Катька вообще умчалась куда-то, сцапав со стола кусок торта со взбитыми сливками и мандарин. Зато появилась мрачная долговязая девица в черном обтягивающем платье и малиновых шлепанцах.

– Это моя дочь Ксения, – сухо представила её хозяйка.

Ксения, ни слова не говоря, плюхнулась на стул, набухала себе в фужер водки "Смирнов" и залпом выпила. Посидев пару минут в ступоре, она налила себе в тарелку супа из осетрины и принялась его быстро хлебать. Лёлька заметила недовольный и раздраженный взгляд Акакия, которым он одарил девушку. Но ту подобные взгляды совершенно не трогали. Она доела суп и принялась за отбивную.

Тут в комнату влетела Катерина и завопила:

– Ксюха, корова, зачем мой пластилин опять утащила? Убью нафиг!

– Ты зачем Катин пластилин взяла? – немедленно завелся Акакий. – Опять с Ромкиным папашкой кукол лепила и иголки в них втыкала? Ох, надеру я когда-нибудь задницу и тебе, и этому придурку!

Лёлька отметила, что, войдя в дом, бандит вдруг стал говорить по-русски совершенно правильно и почти без акцента. Возможно, нарочитое коверкание слов он использовал, чтобы ещё сильнее наводить ужас на жертв.

Тем временем скандал разгорался – Катька вопила, Акакий ругался, только Зинаида и Ксения сохраняли ледяное спокойствие. Девица, не торопясь, ела сочную свинину, а её мать с откровенной насмешкой наблюдала за Лёлькой. Потом, встала и, процедив сквозь зубы:

– Ну, вы тут развлекайтесь без меня! – величественно удалилась.

Акакий немедленно сник и пообещал своему "бутончику" купить сразу двадцать коробок пластилина, чтобы она не огорчалась. Катька, продолжая фыркать и возмущаться, убежала. Беседа за столом так и не завязалась, и Лёлька чувствовала себя не в своей тарелке. Внезапно Ксения подняла безразличные глаза и сообщила:

– Катькиного папашку пришили!

– Ты что говоришь? – опешил Акакий. – Кого-чего – пришили? Да ты... – он закончил фразу витиеватым и непонятным грузинским выражением.

– Сам ты такой! – вяло огрызнулась Ксения. – Я по телику новости смотрела, там диктор в конце сказал.

Бандит разом помрачнел и насупился. Потом тяжело поднялся из-за стола, швырнув скомканную салфетку.

– Прости, дорогая, – пробормотал он Лёльке. – Беда у нас. У Катерины ещё папашка имеется... имелся. Только мне она роднее родной дочки. Как же ей сказать? Бедный мой бутончик...

– Да уж, бедный! – хмыкнула Ксения. – Она папашку того все время козлом звала. А теперь ещё, небось, и наследство его получит!

– Какое наследство, зачем ей наследство? Я её всем на свете обеспечиваю, как принцессу, ни в чем не отказываю! Не надо нам его наследство!

Ксюша меланхолично выпростала из-за стола длинное угловатое тело и потащилась к дверям, бросив на ходу:

– Вам не надо, так мне отдайте. Я все жду, когда моего папахенца ухлопают, да всё никак... Не везёт.

"Ну и семейка!" – подумала Лёлька, тихонько пробираясь к выходу. Акакий метался по комнате, не обращая на неё внимания, и выкрикивал неизвестно кому угрозы. Из них следовало, что он лично покарает мерзавца, осиротившего Катьку. И кара эта будет страшной.

Лёлька вышла в холл и услышала, как один из амбалов, не допущенный в хозяйскую столовую, болтает с кем-то по телефону. Она четко услышала фразу:

– Да говорю тебе, мотались с шефом в Питер на разборки. Три дня не спамши, не жрамши, устал, как собака. А тут ещё ты со своими претензиями, коза недоенная! В гробу я видел твою дачу!

Переведя дух, она выскочила из дома. Так, значит, в ночь убийства Акакия не было в городе. Конечно, он мог поручить мокрое дело кому угодно. Но зачем? Похоже, этот гoblin действительно обожает Катьку и огорчать бы её не стал, даже если Вотю не приветствовал. Совершенно удрученная, Лёлька поплелась к своей машине.

Дома надрывался телефон. Конечно же, это был Олег, страдающий и тоскующий. Софья Павловна окончательно допекла сыночка своей заботой. Кормила она его только полезными для здоровья блюдами: кашками, протертыми супчиками и паровыми котлетами. Никакие доводы о том, что сломанной ноге глубоко плевать на то, протертый или не протертый суп будет есть её владелец, не действовали. Олег слёзно умолял Лёльку привезти ему парочку отбивных и копченой рыбки.

Швырнув в микроволновку размораживаться кусок свинины, Лёлька позвонила Баське. И сразу нарвалась на следующий шквал эмоций. Оказывается, Баська и сама ночью почти не спала, и Ваське не давала. Трижды она, настороженная подозрительной тишиной в соседней квартире, наведывалась в неё. В первый раз она вошла тихонечко и едва не свалилась на сидящую по-турецки в темной прихожей Лулу. Обе заорали от неожиданности и принялись выяснять отношения. В ходе выяснения Баська включила свет и, узрев странную масть собеседницы, офонарела и потеряла дар речи. В результате, Лулу одержала моральную победу, но всё-таки согласилась медитировать в другом месте.

Во второй раз Баське удалось добраться до кухни, где она застала голого Мишеля в обнимку с питоном. Мишель поведал, что испытывает необыкновенные тактильные ощущения. Питон ничего не поведал и выглядел сонным и апатичным. Из комнаты Левы доносились будоражающие воображение звуки, но Баське хватило общения с Мишелем, и туда она не сунулась. И только на третий раз ей удалось осмотреть квартиру полностью, потому что спали все: Мишель, укрытый купальным халатом, – в составленных креслах в приемной, Лулу – в постели Левы, а сам Лева вместе с котом – на диване в салоне. Причем, Левина морда была изрядно расцарапана. Баська проверила плиту, краны и форточки, унесла на всякий случай весь запас спичек из кухни, но всё равно до утра дремала в пол-уха.

Выслушав сетования и претензии несчастной, Лёлька выразила ей сочувствие и посоветовала позвонить родителям Левы и Агнии и попытаться спихнуть им непутевого сына. Баська горестно вздохнула и отключилась.

Потом Лёлька позвонила адвокату Фомину, но у того новостей не было – притащить в город судью удастся, в лучшем случае, только завтра вечером. А значит, Агния пока будет находиться за решеткой. Правда, её перевели в трехместную камеру и еду за отдельную плату носят из ближайшего ресторана, но это все, чего удалось достичь.

В расстроенных чувствах Лёлька изжарила четыре огромных отбивных, с горя одну съела сама, а три упаковала в пластиковый контейнер и повезла Олегу. По дороге заехала в гастроном и приобрела еще кусок копченой осетрины, а на книжном лотке – два новых фантастических романа. Олег не разделял её пристрастий к детективам и больше всего уважал всевозможные межгалактические приключения с монстрами и стрельбой из бластеров.

Только постучав в дверь, Лёлька сообразила, что не удосужилась переодеться и явилась пред светлы очи ортодоксальной Олеговой матушки в сомнительном прикиде "а ля журналистка". Но было поздно – Софья Павловна, величественная, словно памятник Екатерине Великой, возникла на пороге. Лёлька вручила ей коробочку итальянских конфет в виде прозрачного сердечка и, удачно ускользнув от попыток втянуть себя в длительную беседу о ценах, здоровье и погоде, проскочила в комнату, где маялся, укутанный тремя пледами, Олег.

Страдалец выглядел весьма неплохо – румянец играл на чисто выбритых щеках, а журнальный столик, придвинутый к кровати был уставлен баночками из-под пива.

– Так вот почему тебе рыбки захотелось! – возмутилась Лелька. – Диета, называется! Запиваешь каши пивом?

– Ага! – обрадовался Олег. – Маманя считает пиво жидким хлебом и не возбраняет. Ты мяса и рыбки притаранила?

– На, держи! – Лёлька принялась выгружать из пакета продукты.

– Стой, не доставай, прямо так положи сверток к стенке, под одеяло. Маманя скоро в магазин отправится, тогда съем, а то отберёт.

Лёлька хмыкнула и сунула пакет с едой за кипу подушек, на которой покоилась упакованная в гипс нога. Потом присела на краешек постели. Олег нежно обнял её за плечи, но тут в комнату вошла Софья Павловна.

– Леночка, хотите чаю? – преувеличенно любезно поинтересовалась она.

– Да, мамуля, будь добра, принеси нам пару чашечек! – мгновенно среагировал Олег, томно откидываясь на подушки.

Как только Софья Павловна исчезла, поджав губы, он снова потянулся к Лёльке, но бдительная матушка вновь материализовалась на пороге с вопросом:

– А сколько сахара вам, Леночка, положить?

– Мне, пожалуйста, без сахара, – пробормотала Лёлька, выпрямляясь.

– У нас примерно тридцать секунд, – шепнул Олег, провожая мать глазами, и поцеловал Лёльку.

Когда Софья Павловна всплыла в комнату с подносом, они уже чинно беседовали. Лёльку душил смех. Неужели мать до сих пор не сознает, что сыночку уже стукнуло тридцать четыре, он взрослый самостоятельный мужик? В конце концов, он живет с Лёлькой почти три года, пора бы привыкнуть.

Поставив поднос на столик и собрав пустые жестяные банки в передник, Софья Павловна удалилась, но тут же вернулась с вазочкой клубничного варенья.

– Мам, ну дай ты нам спокойно поговорить, клянусь, что ничем предосудительным мы заниматься не собираемся! – не выдержал, наконец, Олег.

– Говорите, разве я вам мешаю? – немедленно обиделась Софья Павловна и принялась подбирать разбросанные у кровати журналы и книги.

Олег молча закатил глаза и бухнул в чай три ложки варенья. Лёлька успокаивающе положила ладонь на его локоть. Спустя несколько минут их, наконец, оставили наедине.

– А хорошо бы и впрямь заняться этим самым, предосудительным... – мечтательно вздохнул Олег и подмигнул Лёльке.

Но та, опасливо покосившись на приоткрытую дверь, покачала головой:

– Ни за что! Заниматься любовью с загипсованным мужиком в присутствии его мамы – это просто извращение!

– Ладно, буду получать удовольствие другим способом, – покладисто согласился Олег.

– Оставь свои интимные подробности при себе! – возмутилась Лёлька.

– Да я имел в виду наслаждение вкусной и вредной для моего драгоценного здоровья пищей! – заржал Олег. – А ты что подумала, испорченное существо? И скажи честно, Костик Мочалкин уже подкатывался? Небось, не упустил момента?!

– Мочалин? – фальшиво удивилась Лёлька. – С чего ты взял?

– Да брось ты, этот Мочалкин давно круги вокруг тебя наворачивает! – ревниво засопел Олег.

Лёлька возмутилась – мало того, что ей приходится мотаться в поисках информации, так ещё и претензии выслушивать! Рука сама тянулась отвесить щелбан по глупой Олеговой башке, но она сдержалась, только фыркнула.

– Ну ладно, не злись. Что поделать, если дурак я у тебя? Лежу тут колодой, надоело до чертиков! На костылях еле держусь, не научился ещё. Может, заберёшь меня отсюда, несчастного, я дома быстрее поправлюсь, – снова заныл Олег.

– Нет уж, меня сейчас и дома-то не бывает. А за тобой уход нужен, подай-принеси. Так что потерпи немного, я Агнии сейчас нужнее, чем тебе, – категорично ответила Лёлька. – А кстати, ты ведь журналист, всё про всех знаешь. Ну-ка расскажи, что про Вотю и его окружение слышал.

Олег задумался, даже глаза прикрыл. Потом допил чай и задумчиво ответил:

– Да в общем-то, я ничего такого и не знаю. Вотя, вроде бы, нормальным коммерсантом был, без особого криминала. Чистеньких в этой среде, сама знаешь, не найти. Но Бармин всегда меру знал. Крыша у него была, но так себе – не кавказцы, не отморозки. На баб покойничек падок был, но после того, как с Агнией закрутил, на других крест поставил. Хотя зуб дать не могу...

– А кто на него зло мог иметь? – не отставала Лёлька.

– Да я уж и сам думал, – вздохнул Олег. – Был тут один эпизод не так давно. Я случайно свидетелем стал. Валька Соболев, наша прима местного разлива, перепилась в ресторане и подседа за столик к Воте. Тот с приятелями тихонько себе сидел – отмечали чего-то. Ну а когда Валька по пьяни начала выделываться, те её культурно послали. Тогда она стала орать, что всем всё про Вотку расскажет. И с такой, знаешь, ненавистью орала. Её, конечно, под белы рученьки секьюрити вывели проветриться. Но мне кажется, Вотя испугался, хотя и делал индифферентное лицо.

– А кто такая эта Соболев? Та, которая в нашем драматическом театре леди Макбет играет?

– Она самая. Раньше красивая была, не отнимешь, но поистаскалась. Пьет, как лошадь. Но только я думаю, что если она что-то и знает про Бармина, то логичнее было бы, если бы он её прибил, а не она его, – пессимистически закончил Олег.

Лёлька задумалась. Надо бы к этой артистке навеститься, благо повод навестить пьющего человека особо и искать не нужно.

– Ну, ещё, конечно, есть бывшая Вотина супружница, – продолжал разглагольствовать Олег. – На той можно прямо табличку вешать: "Не влезай, убьёт!" Но у неё очередное счастливое замужество в разгаре, так что тоже резона нет за нож хвататься.

– А что ты знаешь про наших местных сатанистов? – закинула удочку заинтересованная Лёлька.

– Так я же про то и рассуждаю. Слушай сюда. Вотка, значит, был третьим мужем Зинаиды. А первый – Жорж Пименов, натуральный бандит, до того, как спутался с этой стервой, работал, можешь себе представить, педиатром в городской больнице. Но пришлось ему, больному, деньги для алчной женушки научиться кастетом-пистолетом зарабатывать.

Лёлька присвистнула: детский врач, ставший бандитом, это и вправду круто.

– А второй, Иван Лопухов, на этой же почве вроде с катушек спрыгнул и секту основал, – Олег некстати хихикнул. – Кстати, советую – прибыльное дело. Изображаешь из себя бога-учителя, и от паствы денежки рекой текут. Секта эта – не совсем сатанистская. Так, нащипали, где придётся, всякой чертовщины и фанатеют себе. То на кладбище могилки изуродуют, то ворота в церкви какой-нибудь гадостью измажут. А уж интервью любят давать, тут их хлебом не корми – дай повыпендриваться. Я с этим Лопуховым дважды беседовал – полный абзац!

– А не знаешь, случайно, где его можно найти? – Лёлька потупила загоревшиеся глаза и пододвинула Олегу печенье.

– Почему, очень даже знаю, у него любимое место – клуб "Ущербная луна", но только ходить туда не советую, – он окинул фигурку в куцей курточке снисходительным взглядом и пренебрежительно скривился.

Лёлька ужасно обиделась – они с Олегом бывали и на тусовках высшего света, и в ночных кабачках. А тут какой-то клуб! Большое дело!

Но она на то и была женщиной, чтобы скрыть свои истинные мысли и вытянуть нужную информацию в течение пяти минут. Оказывается, клуб "Ущербная луна" был создан для специфической публики. Туда по вечерам сползались посетители с физическими недостатками, психическими отклонениями, разные непризнанные гении, графоманы-кафкианцы, просто оригиналы, не желающие отождествлять себя с толпой. Там можно было подыскать компанию по нетрадиционным интересам – фетишистов, садо-мазохистов и прочих "истов", им никто не мешал общаться и делиться опытом. Впрочем, геи и лесбиянки были для клуба слишком заурядны, их там не признавали и не приветствовали. А вот зоофилы и транссексуалы умудрились прижиться.

Лёлька выслушала всё это не моргнув глазом, а вот у Софьи Павловны, незаметно вошедшей в комнату, лицо заметно вытянулось и приобрело малиновый оттенок. Олег заметил

матушку слишком поздно и замолк на живописании своего опыта общения с компанией зоофилов, причем один из них был без руки и одной ноги, а другой прославился изданием за свой счет бестселлера "Любя все живое".

Оставив Олега успокаивать потрясённую услышанным Софью Павловну, Лёлька мгновенно простилась и выскочила на площадку, давась хохотом. Правда, она не успела узнать, где эта "Ущербная луна" находится, но кто мешает ей позвонить Олегу позднее? Никто не мешает.

ГЛАВА 5

Проезжая через виадук, она настолько была погружена в размышления, что совершенно забыла о снижении скорости и была немедленно остановлена молоденьким сержантом автоинспекции. Лёлька страшно смутилась, она обычно ездила очень аккуратно.

Топчась около машины, она выслушала лекцию о правилах движения, запихнула в карман возвращенные права и квитанцию на штраф и уже хотела было ехать, но тут чуть впереди, громко взвизгнув тормозами, остановился белый лимузин. Сержант нервно вздрогнул и оглянулся. Из лимузина вывалилась роскошная блондинка в норковом мантио и ринулась к ним. Платиновые кудри и полы шубы развевались по ветру, а воздух оглашался радостным трубным воплем. И Лёлька, и сержант невольно шарахнулись в стороны, так что блондинка, проскочив между ними, с сочным шлепком врезалась пышным бюстом в "шестёрку", которая содрогнулась от этого всем своим немолодым корпусом. Нисколько не смутившись, дама немедленно развернулась и, издав пронзительный визг, бросилась на Лёлькину шею.

Едва не рухнув, от такого напора, Лёлька всё-таки уловила в визге нечто знакомое. С трудом оторвав от себя блондинку, она вгляделась в её лицо и тоже завизжала. Ошалевший от происходящего гаишник недоуменно пожал плечами и поспешил убраться подальше от сумасшедших баб, издали погрозив им полосатым жезлом.

– Маргошка! Это ты? – вопила Лёлька.

– Лёлька! Родная моя! – вторила ей дама.

Наоравшись, они разом смолкли и принялись целоваться, невзирая на то, что их машины и они сами явно мешали движению. Наконец Лёлька сообразила спросить:

– Откуда ты взялась, черт побери?

– Только что прилетела. И сразу к тебе помчалась. Смотрю, а на мосту ты собственной персоной торчишь. Ну, рассказывай!

– Что рассказывать? – растерялась Лёлька.

– Как что? Всё рассказывай! – потребовала Марго.

Тут прямо у них за спиной раздался истошный автомобильный сигнал, за ним хором ещё несколько. Только тут Лёлька сообразила обернуться и увидела целую шеренгу машин и торчащие из них головы разозленных водителей.

– Слушай, ехать нужно, а то разорвут на части! – спохватилась она. – Поезжай за мной.

– Зачем, пусть мой водитель едет, а я к тебе сяду! – С этими словами Марго плюхнулась на переднее сиденье.

Лёлька села за руль и, стараясь не смотреть на перекошенные рожи владельцев обгонявших их машин, тронулась с места. Белый лимузин пропустил их вперед и послушно поплелся в хвосте. Управлять машиной и одновременно рассматривать сидящего рядом очень затруднительно, но Лёлька не удержалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.